

Владислав Лебедько

**Хроники российской
саньясы 2025. Сезон 2.
Традиция и Пост-традиция**

«Издательские решения»

Лебедько В. Е.

Хроники российской саньясы 2025. Сезон 2. Традиция и Пост-традиция / В. Е. Лебедько — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Дальнейшее продолжение (2 сезон) цикла «Хроники российской саньясы», фиксирующее изменения в среде духовного искательства спустя двадцать пять лет после выхода первых книг. Предлагается переосмысление эзотеризма не как набора внешней атрибутики, а как глубинной практики и расширения смыслового восприятия реальности. Книга — серия диалогов с Мастерами, отражающих дух новой эпохи. Финалом второй части книги становится манифест о Смене Логоса и актуальных задачах для Искателей наших дней. Книга содержит нецензурную брань.

© Лебедько В. Е.

© Издательские решения

Содержание

Хроники Российской Саньясы 2025. Сезон 2	7
ТРАДИЦИЯ И ПОСТ-ТРАДИЦИЯ	8
Владислав Лебедько	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Глава 1. Игорь Берхин	18
Интервью	19
Глава 2. Дмитрий Солан	27
Интервью	29
Глава 3. Дмитрий Кошелев	36
Интервью	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Хроники российской саньясы 2025. Сезон 2 Традиция и Пост-традиция

Владислав Евгеньевич Лебедько

© Владислав Евгеньевич Лебедько, 2026

ISBN 978-5-0070-2009-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владислав Лебедько

Хроники Российской Саньясы 2025. Сезон 2 ТРАДИЦИЯ И ПОСТ-ТРАДИЦИЯ

2026-02-07

Об авторе

Владислав Лебедько — психолог, культуролог, занимается эзотерической практикой с 1985 г. В 1992 году создал легендарный метод современного трансформационного искусства с психотерапевтическим эффектом «Магический Театр», в 2004 году — создал Архетипические технологии — направление на пересечении психологии, культурологии и междисциплинарных исследований. Писатель. Написал более 20 книг и 200 статей. Кроме книг по методологии Магического Театра и Архетипических технологий, наиболее известны 3 тома «Хроники российской саньясы» (1999 — 2001 гг.), художественные повести «Медитации на Джокере» (2004), «Великая Ересь» (2008), «Живые Души или похождения Лебедько» (2014), роман «Евангелие от Агасфера» (2021). Консультирует по широкому спектру проблем и задач, ведёт циклы лекций и обучающие курсы.

Аннотация

Продолжение цикла «Хроники российской саньясы», фиксирующее изменения в среде духовного искательства спустя двадцать пять лет после выхода первых книг. Автор анализирует трансформацию социокультурного контекста: переход от стихийного экспериментирования во второй половине XX века к современной поляризации между профессиональным мастерством и профанацией. В тексте предлагается феноменологическое переосмысление эзотеризма не как набора внешней атрибутики, а как глубинной экзистенциальной практики и расширения смыслового восприятия реальности. Книга строится на серии диалогов с современниками, чьи жизненные стратегии иллюстрируют многообразие форм самореализации в наши дни и документирует дух новой эпохи, рассматривая духовный поиск как непрерывный процесс в условиях фрагментарности современного мира и разрушения старых форм. Финалом первой части книги становится культурно-философское исследование смерти Традиции в контексте конфликта Традиции и Современности и манифест о рождении Пост-традиции.

Хроники российской саньясы 2025. Сезон 2

ТРАДИЦИЯ И ПОСТ-ТРАДИЦИЯ

Владислав Лебедько

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том (сезон) этой книги является непосредственным продолжением первого. Обширные беседы с героями породили столь большой объём материала, что пришлось разбить его на две части. Во второй том (сезон) попали интервью осени и зимы 2025 года, когда главы первого тома были уже сформированы, что ни в коем случае не означает, что здесь представлены менее интересные люди и беседы!

Двадцать пять лет назад, в Предисловие ко второму тому первой серии книг «Хроники российской саньясы», я отразил свою собственную позицию к этим книгам, которая с тех пор, практически не изменилась:

«Хроники Российской Саньясы» — очень личная книга. Здесь нет какой-то научной объективности. В процессе подобного исследования претерпевает изменения и исследователь, и сам предмет. Я находил тех людей, которые были интересны лично мне и спрашивал о том, что было насущно, прежде всего, для меня самого. Отсюда — некоторые особенности. Я не смогу, да и не ставлю себе задачи рассказать обо всех достойных упоминания российских мистиках и искателях. Всех не обойдешь и не перечислишь, так что очень многие останутся за пределами книги.

Но, есть задача выполнимая, а самое главное, более важная, чем описание судеб всех, кто идет непростым путем поиска истины. Это раскрытие различных граней российской саньясы. А их, этих граней, не так уж мало, они противоречивы, и каждая из них открывает вход в целый мир. Так что, доверяя поворотам судьбы, я буду описывать те встречи, которые произошли за это время, в надежде, что состоявшиеся беседы послужат ключами к новым мирам российской саньясы и для читателя.

Смысл прячется между строк, — не стоит воспринимать написанное в «Хрониках» чересчур серьезно и педантично. Именно противоречия и неоднозначность иногда провоцируют постижение...

Один из наиболее частых вопросов читателей звучит примерно так: «Где гарантия того, что те, кто попал на страницы книги, являются настоящими Мастерами, а не шарлатанами?» Отличить настоящего Мастера от шарлатана предельно сложно. Этот вопрос остается на моей ответственности. Мне можно доверять, можно не доверять, ваше доверие или недоверие — ваш выбор, а не мой. А логических критериев, понятных для ума, нет и быть не может. Я никого не убеждаю и не зову за собой. Я предлагаю исследовать некоторые непростые вопросы, выходящие за пределы бытового сознания. Вопросы, которые становятся очевидными, когда соизмеряешь масштаб своей жизни с чем-то намного бОльшим, чем собственная личность».

Собственно, можно было бы назвать всех, кто появляется на страницах «Хроников» Странниками к Реальному. В послесловии к первому тому (сезону) я уже немного касался темы Реального, как того непостижимого, что невозможно ни назвать, ни описать в виде образа. Когда оно врывается в жизнь, разрывая ткань привычного бытия, это может восприниматься одновременно, как катастрофа и, с другой стороны, как непосредственный опыт постижения божественного, сакрального. Конечно, далеко не каждому Искателю выпадает удача стяжать этот опыт во всей его доступной для человеческого организма полноте (окончательная встреча с Реальным ждёт нас всех на пороге смерти). Тем не менее, если поиски человека искренни, а практика достаточно интенсивна, то «прикосновения» к Реальному («лёгкие касания») — мини-сатори, могут случаться и несколько раз на Пути, выступая, в том числе и вехами, и знаками, что мир отзывается взаимностью.

Попробую кратко описать модель человеческого восприятия, предложенную в середине 20 века Жаком Лаканом в виде топики. Схематично она выглядит как взаимопересечение трех регистров восприятия, в виде колец, сплетённых в т. н. «борромеев узел». Хочу предупредить, что моё описание не является каноническим и может вызвать у профессиональных психоаналитиков и философов скепсис. Я мог бы привести здесь определения и из книг-стенограмм семинаров самого Лакана, либо из работ его учеников, но именно в этой книге, не являющейся ни учебником философии или психоанализа, ни монографией по этим дисциплинам, я приведу свои достаточно вольные интерпретации, пользуясь мною же предложенными критериями истинности тех или иных моделей:

— Адресность: адресована данная книга не столько профессиональным психоаналитикам и философам (что не исключает и то, что они окажутся среди читателей), сколько Искателям и тем, кто только начинает свой Путь или даже стоит на пороге.

— Контекст: Путь Странника к Реальному пролегает, чаще всего, не в узких рамках той или иной дисциплины, а проходит через несколько самых разных систем координат. Практически невозможно быть одновременно профессиональным фрейдистом и, в то же время, профессиональным юнгианцем, да ещё и, например, учителем дзен-буддизма (ниже я объясню, почему невозможно). И это образует достаточно специфический контекст, который важно учитывать.

— Историчность: вступая во вторую четверть 21-го века, мы сталкиваемся с огромным массивом информации, которую невозможно за время человеческой жизни не то что освоить, но даже прочитать про все более-менее значимые разделы знаний хотя бы по абзацу с кратким описанием.

— Идеологическая ангажированность: предельно узкая специализация, предполагающая сосредоточение на одном аспекте одного метода в одном направлении — тенденция капиталистического мироустройства, доминирующего и жёсткого. Противоположность ему, которая близка мне лично по духу — анархизм, для которого актуален идеал учёного, мистика, искателя Эпохи Возрождения.

Поэтому, я использую, часто даже в одном тексте, например, как в этом, казалось бы, несовместимые концепции, что для любого вовлеченного в ту или иную Гильдию специалиста принципиально невозможно! Здесь, например, непротиворечиво использован язык и лакановского психоанализа, и аналитической психологии и элементы других мировоззрений. Такое действительно невозможно, если следовать букве и логике каждого из этих учений (и дело не в том, что мои знания в этих дисциплинах поверхностны, отнюдь), просто я даю себе право не вовлекаться в эти учения настолько, чтобы быть ими поглощенным. Возможно это, благодаря отказу от логических сведений различных координатных систем в пользу «интуитивной подгонки». Если сравнивать с физико-математическими дисциплинами, то сам «процесс вычислений», в данном случае, оказывается «небрежным и как бы некорректным», но результирующая «формула», тем не менее, верна.

Итак:

Реальное — сокровенная область восприятия, всегда ускользающая как от образного представления, так и от словесного описания. Реальное непостижимо, любые попытки представить или назвать содержание Реального ведут лишь к тому, что мы оказываемся в области Воображаемого, либо Символического. Невыразимое Реальное — это то, на что можно лишь намекнуть в поэтической форме, и что является заветной целью подлинных мистиков и искателей, не зашоренных теми или иными догмами.

Воображаемое — мир Образов. Человек в своём развитии непременно попадает под власть образов. Впервые это происходит в так называемой «стадии зеркала», в возрасте от 6 до 18 месяцев, когда ребёнок начинает узнавать себя в зеркале (в те времена, когда зеркал ещё не было, отражение можно было увидеть в воде, и т. п.). Ребёнок *схватывает* себя в различных

местах, получая в результате распадающуюся тактильную картину самого себя, хаотичную и не собранную ни в какое целое. Как раз в это время окружающие люди предлагают ему соблазнительно единый и как бы объективный его зеркальный образ, накрепко привязанный к его телу. Ребёнку ничего не остаётся, как согласиться с этим представлением о целостности Я в зазеркалье и его тождественности самому себе во все моменты жизни. С тех пор субъект остаётся навсегда зачарованным своим «зеркальным Я», вечно тянется к нему, как к недостижимому идеалу цельности. Стоит отдельно отметить, что такие расхождение в психологии и эзотеризме понятия как целостность, существуют лишь в регистре Воображаемого, которое замкнуто на принцип удовольствия, ибо в действительности никакой целостности быть не может, так как психическое создаётся непрерывно меняющимися и текучими потоками, а не чем-то застывшим, окончательным и основательным (см. Послесловие к 1 тому).

Символическое. Ещё во внутриутробном развитии человек попадает под влияние речевого поля других людей, которые как-то выражают своё отношение к его появлению на свет и чего-то уже ждут от него. Эта речь других людей — речь Другого — и формирует Символическое субъекта. В результате, наше бессознательное структурировано как язык, причём именно как язык Другого. То, что мы желаем — всегда желания Другого; в то время, как наше подлинное Желание, находящееся в Реальном, является тем, с чего мы всё время соскальзываем, реализуя желания Другого. Отчуждение человека от своей подлинной сущности, от своего Желания, начавшееся с идентификации с зеркальным двойником в стадии Воображаемого, усугубляется по мере вхождения субъекта в поле речи Другого в стадии Символического. Мы видим, что отчуждение всё более и более нарастает, с ходом времени, и даже может вызвать запоздалый протест, но этот протест почти безнадёжен: положение ребёнка перед лицом ожидания Другого можно определить метафорой «кошелёк или жизнь» — эта ситуация вынужденного выбора: субъект либо откажется от удовлетворения своего Желания (отдаст «кошелёк»), и тогда он сможет продолжить жизнь как член того или иного культурного сообщества, либо он не отдаст «кошелёк», но тогда он будет исторгнут из жизни, и его Желание всё равно останется неудовлетворённым (например, в случае аутизма или развития того или иного психоза).

С одной стороны, регистры Воображаемого и Символического, которыми человек отгораживается от Ужаса и Восторга встречи с Реальным, порождают весь мир культуры и драматургии индивидуальной и коллективной жизни, но, с другой стороны, такая жизнь принципиально не заинтересована в перспективе Пробуждения, а может быть вовлечена лишь в реализацию все более глубоких и тонких форм космической суггестии. На реализацию этих утонченных форм направлено подавляющее большинство религиозных, философских, оккультных, эзотерических и психологических учений и практик.

Не следует путать Реальное с т. н. «реальностью, данной нам в ощущениях», являющейся также суггестивным образованием. Увы, наивный реализм и буквализм (когда во внимании нормального человека не удерживается даже то, что восприятие, во-первых, разорвано на отдельные куски, соответствующие разнесенным в организме органам чувств, к тому же, ограниченным узким спектральным диапазоном, а во-вторых, эта «реальность» промодулирована дискурсом, с его попытками установить причинно-следственные связи в хаосе вероятностных явлений и сделать их подручными для повседневного бытия и т. п.) — этот буквализм является основным препятствием для понимания обусловленности т. н. реальности самой структурой восприятия, психики и коллективной суггестии.

Полный контакт с Реальным может произойти в опыте смерти. Спешить с этим не стоит — «ведь мы играем не из денег, а лишь бы вечность проводить», но периодические частичные соприкосновения с Реальным (в прежней Традиции их именовали Откровением, Сатори и т. п.) вполне возможны и по ходу жизни. Человек, даже на очень короткое время переживший опыт соприкосновения с Реальным, уже в полной мере осознает абсурдность бытия, и способен относиться к себе и к своей жизни без убийственной серьезности. Это позволяет ему

заполнять промежутки времени между точечными контактами с Реальным т. н. «контролируемой глупостью», и, с одной стороны, легко, иронично и с эпикурейской умеренностью наслаждаться любым проявлением жизни, превращать любую проблему, неудачу и беду во благо и из батареек (для различных социальных и архетипических структур) превратиться в Игрока. С другой стороны, такой человек выстраивает свою жизнь не просто как длящуюся Игру и Приключение, но как безупречный путь к Пробуждению, которое (в отличие от тех, кто не готовится к этому) случится с ним в момент смерти. Он становится своеобразным «Странником к Реальному». Странником не только (и не обязательно) во внешнем мире, но в мире мировоззрений, ценностей и концепций.

Странник к Реальному — тот, кто не согласен разменивать своё ноуменальное сознание свидетеля непосредственно переживаемого момента (как неповторимого и как единственной центральной реальности) на «чечевичную похлёбку защиты», которую предоставляет цивилизация.

С другой стороны, для того, чтобы пережить даже первый короткий опыт соприкосновения с Реальным (к тому же, так, чтобы он не был бы разрушительным, т. к. без подготовки такой ошеломляющий опыт может привести к нарушениям и физического и психического здоровья), уже необходимо иметь намерение на Странничество к Реальному и определенную закалку. Этому способствует несколько факторов. Среди них — ирония и самоирония, способность к Без-умию, закалка физического тела и психики — в смысле поступательной тренировки и саморегуляции, и, главное — осознание тех ролей, которые человек суггестивно исполняет, подпитывая собой социальные мегакорпорации и архетипические сущности. Начиная с намерения и подкрепляя его соответствующим образом жизни — с которого и проявляется в жизни Странничество к Реальному, человек становится осознанным Игроком в Магическом Театре Жизни. Осознавая свою ангажированность в этот Магический Театр, человек постепенно обретает субъективную Волю, начиная свою Игру. Постепенно он приходит к ученичеству и партнерству с архетипическими структурами и существами, которые, на этом этапе, уже инвестируют свой ресурс для реализации человеком того образа жизни, который можно назвать Странничеством к Реальному. В партнерстве человек максимально качественно, безупречно, иронично, играючи и с наслаждением проживает жизнь, и в момент смерти получает шанс к Пробуждению.

На позиции именно Странника стоит сделать особый акцент. Становясь Странником, человек делает первый серьезный шаг к освобождению от доминирующих дискурсов Символического, которые и создают «реальность, данную в ощущениях», не говоря уже об ее описаниях. В обычной ситуации дискурс господствует над человеком, Странник же получает свободу практически без усилий перемещаться среди самых противоречивых дискурсов-описаний мира, выбирая для себя, тем самым, тот мир и его описание, который нужен ему в конкретное время. Настолько, чтобы в необходимой мере овладеть этим описанием, но не застрять в нем. Застревание в дискурсе происходит, когда человек в полной мере срастается с какой-то общностью, субкультурой и, особенно Гильдией.

Застревание в них сопровождается появлением мощных защитных механизмов, свойственных той или иной общности, субкультуре, Гильдии. Эти защитные механизмы помогают ощутить некое убежище, стабильность, поддержку и т. п., но порождают явный или неявный «нашизм», внутри которого могут реализовываться самые изощренные и тонкие формы суггестивных воображаемых «пробуждений», но возможность настоящего Пробуждения практически закрывается.

Поэтому, Странник становится раз-гильдеем.

Исследования в области глубинной психологии показывают, что у любой общности, группы, учения, научной школы, общественного движения и т. п. у группы есть «защитная»

часть психики, которая действует как агрессивный механизм и «оберегает» идею самой группы (образ младенца-группы). Это может усиливать противоречия с другими группами. группа защищает свой образ через агрессию, что приводит к конфронтациям с другими группами.

Давние конфликты, вплоть до мифологических противостояний, становятся частью глубинных образов, которые повторяются в разных культурах и через это поддерживают борьбу между группами.

Исторические пары противников, например, «евреи vs. католики», «мусульмане vs. Запад», «фрейдисты vs. юнгианцы», список очень большой, вплоть до болельщиков спортивных команд или пацанов из разных районов: разделение на «наших» и «чужих» укрепляет ощущение принадлежности к группе, усилению идентичности через принадлежность к какому-то «МЫ».

Сторонники любых учений часто становятся заложниками групповых комплексов; подход Странничества дает возможность учитывать разные точки зрения и сохранять индивидуальность.

Теперь я бы хотел познакомить читателей с одним из описаний того, как именно человек становится Странником к Реальному, и как формируется его жизненный путь уже на этой стезе.

Система ценностей — это динамическая структура, которая, как следует из названия, устроена так, что что-то одно ценнее другого, а это другое ценнее третьего и т. п. При этом, есть какая-то доминирующая ценность и, чаще всего, не одна, в разные моменты времени и при различном стечении обстоятельств то одна, то другая из доминирующих ценностей может оказаться главенствующей. Существуют ценности, переданные нам генетически — ценности выживания, ценность продолжения рода, ценность любви, ценность отношений, а существуют ценности, сформированные уже в процессе воспитания, а в некоторых случаях — и самодисциплины, и специальной практики. Это, например, могут быть ценность творчества, самореализации, успеха, богатства, принадлежности к какому-то социальному слою. Ценность мистического опыта, экзистенциальных переживаний, иногда даже уединения, аскетизма и отшельничества, господства или подчинения, борьбы, духа отрицания, соответствия культурным клише или, наоборот, выделения из толпы и многие другие.

Система ценностей обуславливается не общей, а так называемой согласованной реальностью, культурой и субкультурой, в которой человек формируется, семьей, окружением, воспитателями, учителями, книгами, фильмами, рекламой, модой, психотравмами и значимыми событиями. Чаще всего это происходит не напрямую и не сразу. Система ценностей — это очень громоздкая структура, которая формируется много лет «по кирпичику», как любая доминанта, управляющая бытием человека.

В жизни человека могут складываться такие ситуации, когда ценность выживания не является доминирующей. В этом случае он бессознательно (! лишь иногда осознанно, поэтому этот тезис трудно принять) готов пожертвовать жизнью или пойти на риск для жизни во имя реализации какой-то другой ценности. Для кого-то это может быть любовь, для кого-то богатство и успех, для кого-то экстремальные переживания, как ценность.

С другой стороны человек, у которого ценность выживания превалирует над другими, может длительное время болеть достаточно серьезными болезнями, быть недееспособным, парализованным, даже находиться в коме годы, а то и десятки лет. Например, знаменитому астрофизику Стивену Хокингу ценность самореализации помогла дожить до преклонного возраста в совершенно больном, десятки лет парализованном теле. А другого человека подобное обездвиживание или даже частичная недееспособность лишает тех ценностей, которые важнее для него ценности выживания, поэтому он умирает. Иными словами, человек уходит из жизни тогда, когда некая внешняя ситуация «перекрывает кислород» для его ведущей ценности. Тогда ценность выживания перестает удерживать его в рядах живых.

А бывает и обратное, когда кто-то совершает удивительные поступки, на которые он обычно не способен, в моменты сильнейших социальных потрясений, потому что, вдруг открываются возможности его реализации на каком-то героическом пути, которые до этого дремали, и его существование было вялым, дряблым и постепенно угасающим. Некоторые даже стремятся к этому, к примеру, вербуясь в «горячие точки», при этом не осознавая самую глубинную мотивацию — ценность и рационализируя ее какими-то более поверхностными объяснениями.

Рассмотрим пример «нисходящего потока» от системы ценностей до физического тела:

По сути, ценности — это то, что управляет и создает события в жизни. События создают опыт, который формирует мышление. (Хотя мышление формируется по большей части через суггестию социальных или культурных доминант, транслируемых через СМИ, интернет, рекламу.) Формирующаяся таким образом картина мира, в свою очередь, определяет качество, спектр и интенсивность эмоций и чувств. Они воздействуют на энергетику и присущие ему функции: терморегуляция, выносливость, уровень либидо, сексуальная активность, «альфовость» или «омеговость», качество и сила энергетического влияния, весомость в социуме и т. п. Что, в свою очередь, задает условия для процессов, происходящих в физическом теле и действий, которые физическое тело выполняет.

Теперь перейдем к «восходящему потоку». В идеале физическое тело совершает определенное действие, запуская энергетические процессы, эмоции, осмысления, формируя события и, оказывая, в свою очередь воздействие на систему ценностей. То есть образуется, как в радиотехнике, замкнутый контур.

Для человека понимающего, что его жизнь строится по какому-то сценарию, сформированному извне, но желающему этот сценарий изменить, проблема заключается в том, что вся эта структура («нисходящий» и «восходящий» потоки) механистична, а управляющие структуры — ценности по большей части бессознательны (на уровне мышления осознаём лишь проекции ценностей, и то, по большей части искажённые и рационализированные — подстроенные под тот образ, каким человека «хочет» видеть социум, точнее — конкретная референтная группа или субкультура). И просто понимание и рассуждение, как правило, ни к какому существенному результату в этом направлении привести не может. Хотя, само это понимание является необходимым, но еще недостаточным условием для того, чтобы сознательно перегруппировывать систему ценностей.

Можно читать много книг, рассуждать о высоких материях, но продолжать реализовывать заложенный извне сценарий. Для того чтобы разомкнуть его — сценарий механистичности, должно произойти либо какое-то потрясение, либо, наоборот, какое-то сильное увлечение, которое вызовет настолько сильный диссонанс между желаемым и действительным, которое позволит сформировать некоторую вспомогательную ценность, назовем ее мотивацией.

Мотивация, имея корни в приоритетных ценностях, может создать дополнительный нисходящий поток, принуждающий физическое тело, эмоции и мышление совершать некие регулярные действия, которые эту мотивацию будут, в свою очередь, подкреплять. Таким образом, постепенно, как альтернативу уже существующему механистичному контуру, мы можем создать сознательный контур регуляции своей жизни или хотя бы отдельных аспектов ее жизни. В этот контур, по принципу Доминанты (господствующего очага возбуждения в той или иной системе), притягиваются «нужные» люди, литература, фильмы, события, все более и более подкрепляя этот контур до тех пор, пока он не станет более активным, чем механистичный сценарный.

А, стало быть, появляются возможности сознательно управлять все более широкими областями Пространства Ценностей — управляющими структурами, которые как было описано выше, формируют все основные выборы жизни и смерти.

Но, для того, чтобы это произошло — необходима регулярная и целенаправленная практика, учитывающая огромное множество факторов: ноосферных, климатических, соци-

ально-политических, экономических, культурных, межличностных, особенностей индивидуальной энергетической структуры, диагностику типологий различных систем координат, описывающих структуру физического пространства, энергетики, чувств и эмоций, мышления и событийных рядов.

При этом, учитывая, что внешняя среда непрерывно изменяется, необходимо не просто выполнять какие-то практики, которые были созданы в древности, а буквально ежедневно адаптировать их ко все новому и новому изменению современности. Это уже искусство импровизации, такой импровизации, когда каждый раз по новому комбинируя движения физического тела (ритм, дозировки, динамику и статику и т. п.), дыхания, параметры голоса, многообразие форм концентрации и деконцентрации внимания, поступки, общение с определенными людьми, периоды уединения и социальной активности, оседлости и путешествий, прочтения и написания определенных текстов, музыку, цвета, вкусы, запахи и многое другое — мы имеем возможность выводить через комбинации таких действий ту или иную ценность на главенствующую позицию в определенный этап времени. При этом сознание существенно расширяется, потому что одновременно необходимо учитывать огромное количество факторов, которые при этом задействуются, и постоянно балансировать на грани возможностей человеческого внимания.

Можно сказать, что искусство формирования «восходящего» потока, то есть, такое структурирование физических действий, которое приводит к перегруппировке Пространства Ценностей, является ничем иным, как алхимической возгонкой. Но это уже алхимия 21-го века.

Очень редко психологические консультации, тренинги и тому подобные мероприятия дотягиваются именно до глубинных ценностей. Чаще всего они решают локальные задачи — событийные, мыслительные, эмоциональные, энергетические, и, далее, релаксацию и тонизацию физического тела, что сопровождается положительными эмоциями, эйфорией, улучшением самочувствия, а в редких случаях — смещением какой-то ценности, после чего могут измениться даже существенные траектории судьбы.

Но все это, как правило, не дает в руки самому человеку инструменты для постоянного балансирования системой ценностей. Естественно, у человека должен быть запрос для того чтобы не просто добиться каких-то успехов в пропагандируемых социальных сферах: здоровье, богатство, отношения, известность, власть, профессионализм, признание и даже модная ныне причастность к чему-то «эзотерическому», а выйти за пределы этого, ужаснувшись тому, что все эти успехи нечто иное, как суггестия определенных системных монополий, получающих сверхприбыль от всей этой круговерти, к которой ныне подшито и, так называемое, духовное развитие. А будучи подшитым к деятельности монополии, оно теряет свою основную направленность — трансценденцию.

В системе ценностей можно выделить две группы: ценности-цели и ценности-средства. Ценности-цели — это то, куда направлена жизнь. А ценности-средства — это способы, в конечном счете, складывающиеся в образ жизни, позволяющий реализовать ценности-цели.

Приведу пример из своей жизни. Около 30 лет назад я впервые ужаснулся тому, насколько механична и запрограммирована внешними обстоятельствами моя жизнь. Мне повезло ужаснуться настолько, что я начал искать источник такой практики, которая бы позволила выстроить внутренний компас, который в условиях все усложняющихся внешних обстоятельств и расширения сфер деятельности, позволял бы удерживать общее направление в сторону этой самой трансцендентности.

Почти 40 лет этот компас появлялся ненадолго, затем исчезал и вновь появлялся. Было много петляний, метаний, покуда сама ценность этого компаса не укрепилась и не стала доминирующей. Ценность постоянных изменений, вариативности, импровизаций — это ценность-средство, а ценность трансценденции — это ценность-цель. При этом практикой, кото-

рая поддерживает ценность-цель, явились для меня (и, вот уже более 30 лет — не только для меня) созданные мной «Магический Театр» и «Архетипические Технологии», но их бы не хватило, если бы не было другой практики, поддерживающие ценности-средства. А это уже ежедневные психофизические комплексы упражнений, выстраиваемые согласно методологии импровизации.

Компасом к трансценденции для меня стали внутренняя прозрачность и тишина. Примерно 40 лет проб и ошибок, озарений и падений, ученичества у разных людей и самостоятельное интуитивное нащупывание пути. Пока ценность компаса не укрепились и не стала доминирующей, мое поведение, мышление, эмоции и физические действия периодически отвлекались на поддержание многих других ценностей. Постепенно тишина и прозрачность воцарялись во внутреннем мире все чаще и чаще, несмотря на внешнюю суету. Компас становился все более и более различим. Произошел скачок мотивации. По несколько раз на дню я садился на коврик и подбирал различные виды практик с движением, дыханием, вниманием, так что после коврика состояние тишины и прозрачности удерживалось еще несколько часов. Это, действительно, компас — он привел к тому, что, совершив ряд парадоксальных действий, возможно, непонятных почти никому извне, зимой 2018 года я, отказавшись от многообразия городской суеты, оказался в доме на хуторе в 150 км от Петербурга. Абсолютно один, но именно это и нужно, чтобы откалибровать компас так, дабы при возвращении в «мир», внутреннюю прозрачность и тишину сохранять посреди любой интенсивности мирской суеты.

Прозрачность дает возможность точно чувствовать компас на Путь с Сердцем и держаться его. В созерцании или прогулках по этому внешнему безмолвию очень явственно понимаю, что действительно 99% времени жил в регистре Воображаемого. Стоит войти в безмолвие внутреннее, как через несколько секунд замечаешь, как цепочка ассоциаций уже увела (на заднем плане, на переднем ещё остается присутствие) в объяснение чего-то кому-то, воспоминание, фантазию... Снова попытка — опять съехал... И так — от подъема и до сна. На этом фоне — калибровка того, какие состояния вызывают внешние события — о них можно судить по внешним факторам и событиям — кто и что написал мне в соцсетях и т. п. И, иногда, вдруг, — суммируя регулярные усилия на уже начавшую формироваться Доминанту прозрачности — наваливается оглушающая Тишина и безмолвие, стирание границ (совсем не то, что вообразилось год или, тем более, несколько лет назад, при практиках) — полное Присутствие из которого не выбивают уже никакие внешние сигналы...

Но! Всех этих усилий сформировать Доминанту состояния прозрачности и тишины и балансировать в нем не было бы в принципе, если бы за многие годы не сформировалась соответствующая Доминанта в ценностях. У многих людей эта ценность присутствует, но большое количество конкурирующих ценностей, навязанных системой и ее монополиями, сбивают с курса, который иногда и минует «контакт с Богом», Целостность, Постижение, Путь с Сердцем и т. п. Человек периодически попадает в это трудноописуемое, но потрясающее переживание, а затем его снова затягивает быт, другие дела и другие ценности.

Но, возможно технологично выстроить цепочку действий, начиная от физической практики, направленную на усиление этой ценности. Все это выстраивается вниманием, как основным элементом, и постоянной кропотливой работой изо дня в день. Я не говорю о том, что нужно выстраивать ценность прозрачности, которую я заявил. Но сначала следует разобраться на уровне мышления — что резонирует, что вы действительно хотите, что откликается в душе не из категории приятно — неприятно, хорошо — плохо, важно — не важно, а из категории трудноописуемых переживаний: То — или Не То, и если это самое То — отзывается, то может быть удастся спроецировать какую-то часть системы ценностей на уровне мышления, т. е. осознать это, промыслить в образах, в структурировании и уже начать движение к этому, понимая, что наличная на данный момент система ценностей вовсе не так организует мою жизнь, как хотелось бы. И, видя этот контраст, возникает когнитивный диссонанс — то, что в жизни

присутствует, не совпадает с тем ТО, которое вы действительно, по-настоящему, желаете. И тогда начинается уже алхимический процесс возгонки, начинающийся с практики физических действий, соединенных с определенными позициями внимания. Это не обязательно работа на коврике, это может быть больше прогулок, замедление ритмов или их ускорение, другие траектории движения, когда вы начинаете ходить в привычные места по другим маршрутам. Даже на уровне физиологии формируются другие доминирующие цепочки, разрушаются старые. А если еще добавить целые комплексы, формирующие определенные потоки реакций в определенных частях физического тела, то можно осуществить ту самую комбинацию ценностей, которая отвечает и освобождает вас от зашлакованности ценностями социальной Системы.

Заменить то, что принято, что модно, что диктуется средствами массовой информации на то, что идет от души. Первое действие — это выстроить внимание определенным образом. А для этого нужно продиагностировать многие факторы своей жизни, осознать какие факторы влияют на вашу жизнь и каким образом, как вы подчинены этим факторам, как реагируете, какие стимулы запускают какую реакцию. Между стимулом и реакцией успевать вклинить внимание, чтобы не отвечать привычными реакциями на какую-то группу стимулов, потом на более сильную группу, потом может быть даже какие-то безусловные рефлексy, регулирующие жизнедеятельность организма. Все это настоящая возгонка. Затем, внимание формирует определенные состояния в энергетике, которые могут быть описаны разными системами координат.

Повторюсь, Фортуна привела меня в начале 90-х к живому Источнику, из которого я зачерпнул ценность-средства методологии и импровизации. А ценности-цели я поддерживал, создав и практикуя Магический Театр и Архетипические технологии, как консультационную деятельность. Нынче я сам становлюсь проводником Источника для тех, кто желает причаститься именно своим уникальным ценностям-целям и ценностям-средствам, так как импровизация не устанавливает какие-то выделенные из них, как обязательные для каждого. У каждого свой Путь с Сердцем.

Методологическая Традиция, о которой я упоминал выше, во мне прошла деконструкцию, без которой в наше время Традиция перестает быть живой, и превратилась в Пост-Традицию (см. Послесловие к 1 тому).

Для того, чтобы прикоснуться к Источнику и суметь зачерпнуть из него столько, сколько можешь применить в своей жизни, в современных условиях, когда очень трудно найти критерии различения источника среди огромного количества копий и еще большего количества симулякров — для этого нужно серьезное намерение и неизбежные испытания на прочность. Поэтому я просто заявляю, что Источник существует, но не намерен его «выставлять на рынок, как товар» и производить какие-то маркетинговые манипуляции. Хотя оповещение о методах и возможностях индивидуальной и групповой работы (особенно по частным вопросам и задачам в разных аспектах жизни отдельных людей и человека размером систем) — что составляет основу моей внешней социальной деятельности, я, конечно же, продолжу.

Про Источник же только оповещаю — он существует, он постоянно обновляется, он живой. Пусть обрящет тот, кто действительно (!) ищет, как в старые добрые времена.

Во втором томе, начиная с 8 главы — несколько историй о людях, которые тоже прикоснулись к Источнику, уже благодаря «Магическому Театру» и «Архетипическим технологиям», и получив столько, сколько им было нужно, идут уже своими Путиями с Сердцем, преобразовав что-то или что-то добавив, это уже их уникальные синтезы, методы и технологии. Но, в основе их Пути главное — не конкретные технологии, но, прежде всего, искреннее желание, превратившееся в устойчивое Намерение — основную ценность жизни.

Приглашаю Читателя окунуться ниже в мир Странников к Реальному!

Надеюсь, каждый сможет найти свои резонансы и ориентиры. В добрый Путь!

Глава 1. Игорь Берхин

Кратко о себе:

Я могу сказать, что мой духовный путь начался во второй половине апреля тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. Мне было семнадцать лет, и я успел уже получить и бросить отделение структурной прикладной лингвистики в Московском Университете. Вернулся в Донецк, и проводил время в ожидании следующего Учебного года работая в библиотеке одного из научно-исследовательских институтов. Однажды вечером у нас дома появилось два молодых парня — один из них был кришнаитом из Астрахани, другой — фанат боевых искусств, и звали его Игорь Иванов. Он хотел, попросить разрешения жить в нашем домике в то время, когда нас там нет. Они стали рассказывать об энергии, о других мирах, о какой-то магии медитации и другом, о чем я раньше никогда не слышал. Мне стало интересно — я был материалистом, изучал физику, видел для себя перспективу научной карьеры. Хотя некоторый опыт боевых искусств у меня был — в двенадцать лет со мной занимался карате один из молодых талантливых каратистов Донецка.

После ухода этих парней, я начал интересоваться и начал читать все, что тогда можно было по философии и религии. А затем встретил своего первого учителя Сергея Самарова, который в свою очередь обучался у легендарного в Донецке человека — Игоря Козловского.

С Самаровым я занимался тайцзицюань и медитацией. В это время у меня начались осознанные сновидения. Я много экспериментировал с трансформацией этих сновидений со звуками, вкусами и запахами, но в какой-то момент заигрался. Пережил пугающий опыт, после чего заниматься осознанными сновидениями стало значительно сложнее.

Но я продолжал заниматься практиками и медитацией, и испытывал различные необычные состояния сознания. В 1990 году я начал вести группу йоги — больше интересуясь физическим её аспектом, философия йоги меня не интересовала, меня вполне устраивал буддизм.

А в 1991 в Донецк приехал китайский мастер цигун и боевых искусств — Фэн Шао И. Я стал учиться у него, и тогда же я начал восстанавливать свои навыки китайского языка — за несколько месяцев я успел достаточно неплохо продвинуться в изучении этого языка. А поскольку я к тому времени неплохо уже знал английский язык то был вдвойне ценным специалистом, потому что прочитал некоторые книги по буддизму, которые не были тогда изданы на русском языке. В Донецке открылся Открытый Университет, и я там начал преподавать философию буддизма. А также, я стал переводчиком.

В 1992 году в Донецк приехал Вонмён-сыним который также стал одним из важных для меня учителей. Он обучал чань, по корейски «сон».

Затем я переводил книги Намкая Норбу Ринпоче и других мастеров, работал переводчиком на ретритах. Глубоко погрузился в практику Дзогчен.

Интервью

Владислав Лебедько (В. Л.): Что для вас является наиболее важным в вашей практике?

Игорь Берхин (И. Б.): Для меня это, прежде всего, мой учитель. У меня не было идеи выбирать традицию, я никогда не ориентировался на названия. Я встречал человека, и если видел, что могу у него чему-то научиться, — я учился, независимо от того, кем он назывался. Так получалось, что в основном это были люди, так или иначе связанные с буддизмом, прямо или косвенно. Но я не выбирал название традиции. Поэтому для меня главное в той практике, которой я занимаюсь, и в том пути, которому следую, — это учитель, передающий мне знание.

В. Л.: Дзогчен считается учением об осознанности. Но что такое осознанность для вас? У этого слова очень широкий спектр понимания. Как бы вы это определили?

И. Б.: Если бы это можно было объяснить словами, все было бы намного проще. Принцип Дзогчена заключается в прямой передаче знания за пределами слов. Пытаться говорить о том, что передается, — значит объективировать это, помещать в какую-то «коробочку», класть на полку и создавать иллюзию понимания. Но на самом деле так это не работает.

В. Л.: Почему вы остановились именно на этом учителе? Что в нем вас привлекло?

И. Б.: Сначала я о нем услышал: меня заинтересовало, но не настолько, чтобы сразу поехать. Затем начал читать книги, стало интересно посмотреть. Но в конечном итоге все определил мой очень глубокий личный опыт, который оказался тесно связан с личностью Чогьяла Намкая Норбу. После этого у меня не осталось вопросов. Я знал, что должен ехать учиться именно к этому учителю. Не из-за титулов или написанных им книг, и не потому, что мне его кто-то расхваливал. Кстати, никто и не расхваливал. К тому времени я не встречал его учеников. Вернее, я знал одного человека, которого сам же и отправил на ретрит, так как сам поехать не мог — уезжал в Китай. Друг съездил, но ничего внятного рассказать не смог. Однако мой собственный опыт указал, у кого я должен учиться. У меня не было мук выбора, перебора вариантов. Я просто следовал тому, что происходило в моей жизни.

В. Л.: И все-таки, что в этой традиции является практикой?

И. Б.: В дзогчене часто говорится о «немедитации»: мы никак не исправляем свой ум, не пытаемся что-то с ним делать. Но это применимо к ситуации, когда мы уже смогли обнаружить свое истинное, изначальное состояние. Тогда это действительно медитация без медитирования. Конечно, существует много вторичных методов, помогающих распознать различные аспекты своего состояния. Медитации в привычном виде, как во многих традициях, включая буддийские, могут использоваться, но они не являются сущностью. Сущность — это пребывание в том знании, которое было получено от учителя при прямой передаче. Это и есть медитация. И в этом нет ни процесса медитирования, ни медитирующего субъекта.

В. Л.: Почему вы называете это состояние истинным?

И. Б.: Я использую это слово просто чтобы как-то его обозначить, не более того. Я могу назвать это «жопа».

В. Л.: Понятно. Но таких «жоп» достаточно много, и в разных традициях они разные.

И. Б.: Возможно. Мне не с чем сравнить. Я говорю о том знании, которое знакомо мне, которое я получил от своего учителя. Не знаю, что происходит в других традициях. Я могу судить только по словам, но слова очень обманчивы. То же самое это или нет — как я могу знать? Вы хотите, чтобы я изложил принцип дзогчена? Но для кого? Если лично для вас, то я не считаю это необходимым: вы же были на ретритах моего учителя Чогьяла Намкая Норбу, я вас там видел.

В. Л.: Это не для меня, а для книги. Далеко не все читатели понимают даже в общих чертах, что это такое. Не хочется брать цитаты из учебников, хочется услышать живого человека: что это для вас?

И. Б.: Но от того, что я расскажу, они ведь тоже не поймут. Понимаете, когда не знаешь, к кому обращаешься, говорить очень сложно. Знание всегда передается в контексте, конкретному человеку. Мы с вами сейчас общаемся — это конкретная ситуация. А излагать знание для абстрактного читателя... Я не знаю, кто будет это читать и в какой момент. Обычно книги по дзогчену пишутся учителем для своих учеников. То, что их потом читают другие люди, — побочный эффект, которого невозможно избежать. Но написаны они не для них.

В. Л.: Но книги могут стать мотивацией, которая сподвигнет людей начать искать учителя. Для кого-то простое сочетание слов станет толчком к поиску.

И. Б.: Замечательно. Я уже назвал имя и книгу своего учителя. Со мной произошло именно так: мне никто не объяснял, что такое дзогчен. Точнее, что-то говорили, но это был полнейший бред, пересказ слухов из разрозненных публикаций 90-х годов. Но когда мне в руки попала книга моего учителя, мне больше ничего не нужно было рассказывать. Я прочитал и захотел узнать то, о чем там написано. Есть и другие книги. Например, двадцать пять лет назад я перевел текст, изданный под названием «Всевышний источник». Это коренная тантра учения дзогчен раздела ума. Эта книга действительно может заинтересовать, и я знаю, что многих она привела к учению. Но если мы говорим о контексте вашей книги, то это все-таки сборник историй, а не изложение учения. Я читал фрагменты: разные люди рассказывают о своей жизни и опыте, это не сборник теоретических статей.

В. Л.: Конечно. Вопрос был только для затравки. Основное — это истории, а не концепции. И здесь можно выделить направление: что-то с приключенческим оттенком, может быть, отчасти безумное. То, что запомнилось ярче всего.

И. Б.: Начну с поездки в Китай: как я ехал в полную неизвестность, практически без денег и точного адреса, но оказался именно там, где нужно. Та поездка была по-настоящему волшебной. Я даже думал написать об этом книгу, но сейчас многое уже забылось. Вот еще одна история. Мой китайский учитель Фэн Шао И должен был уехать из города на несколько дней, и отправил меня пожить в деревню к своим ученикам. Это была старая китайская деревня, словно из фильмов: глинобитные хаты, дворики, огороженные высокими стенами, чтобы нельзя было заглянуть внутрь. Пустынный пейзаж, почти никакой зелени. Днем было электричество, а ночью его то ли отключали, то ли экономили. Мы сидели в полной темноте во дворике этих учеников — пожилых людей. В какой-то момент к нам присоединилась женщина. Я понял это только по голосу — было совершенно темно. Мы начали общаться. Я говорил по-китайски, хоть и не идеально, а в темноте в словарь не заглянешь, но мы справлялись. Вдруг ученики и эта женщина перешли на какой-то странный язык. Сначала я решил, что мне морочат голову, но они объяснили: это «язык вселенной», способ передачи смысла напрямую. Предложили попробовать и мне. Я не видел ни ее лица, ни силуэта — только огонек сигареты. По ощущениям ей было лет пятьдесят. Вдруг я почувствовал давление в голове, и из меня полилась речь. Это не был китайский или какой-то другой известный язык, в нем не чувствовалось грамматики. Но я понимал: звуки, которые я издаю, точно выражают мои чувства. И мы начали общаться, прекрасно понимая друг друга. Я знаю, что подобное встречается на психологических тренингах или у харизматических христианских сект — говорение на несуществующих языках. Не утверждаю, что само явление уникально, но ситуация обучения была особенной. Сначала я чувствовал блоки, но постепенно они ушли. Мне говорили: «Если будешь продолжать тренироваться, начнешь понимать язык животных». Животных я понимать так и не начал — видимо, мало тренировался. Зато эта техника помогла мне стать хорошим переводчиком. Переводя своих учителей, я слушал не просто слова. Я слушал звук, объединялся с ним, расслаблялся, не пытаюсь анализировать умом. А в паузах просто выда-

вал текст. Этот метод, освоенный в Китае, научил меня лучше чувствовать людей. Даже когда человек не мог выразить свои переживания словами из-за обстоятельств или стеснения, переходя на этот «несуществующий язык», он делал свое состояние абсолютно ясным для меня. Была еще одна забавная история, тоже в Китае. Учитель Фэн Шао И повел меня к целительнице. Сразу предупредил: «Мы ее за мастера цигун не считаем. Она умеет только одну вещь — телепортировать маленькие предметы, этому ее научили, и больше ничего. Но я хочу, чтобы ты посмотрел». Мы пришли, там огромная очередь на исцеление, но нас пропустили. Женщина лет пятидесяти (в Китае возраст определить трудно, плюс-минус двадцать лет), в платье без рукавов, с совершенно чистыми голыми руками. Она начала лечить: сначала диагностировала руками, потом, кажется, вошла в транс. Ее тело извивалось, содрогалось в конвульсиях, была страшная отрыжка. У меня возникло четкое видение, что она куда-то тянется руками в пространстве. Когда она раскрыла ладони, там лежали маленькие пилюли, скатанные вручную, как в традиционной китайской медицине. Мне она тоже такие достала, но я их потом потерял, хотя была идея отдать на анализ. Затем учитель попросил ее продиагностировать меня. Я сидел в состоянии цигун, в наполненном присутствии энергии. Она потянулась ко мне руками, но вдруг ее словно током ударило. Она отскочила и заявила: «Нет, он практикующий, я не могу». Веселая была тетка. Узнав, что я русский, она взяла бумажку и написала на ней по-русски: «Председатель Мао».

В. Л.: Её искусство заключалось в том, что она добывала эти пилюли индивидуально для каждого пациента? И люди вылечивались, это давало эффект?

И. Б.: Судя по очереди, которая к ней стояла, думаю, да. Не знаю, шли ли люди в ожидании чуда или по рекомендации, но поток был большой. Я видел, как она работала. Теоретически, конечно, она могла меня обмануть — у меня не настолько натренированный глаз, чтобы заметить любой фокус. Но особого смысла я в этом не видел.

В. Л.: Да и в руках ничего спрятать невозможно — их просто не было.

И. Б.: В руках — нет, но всегда есть способы спрятать что-то между пальцами. Однако у моего учителя Фэн Шао И глаз-алмаз. Он мастер боевых искусств высочайшего класса, с совершенно фантастической скоростью реакции. Сделать какой-то финт руками и скрыть это от него было бы очень трудно. Он, например, наносил удары ногами с огромной скоростью, сериями, как это делается в синьциуань. Однажды в Донецке он в троллейбусе скрутил здорового карманника и отвел в милицию. Так что меня она, может быть, и обманула бы, а вот его — вряд ли. Раз уж мы заговорили об историях, я был свидетелем того, как мастера меняли погоду. Расскажу три случая о трех разных людях, которые делали это совершенно по-разному. Первая история произошла как раз с Фэн Шао И в Китае. Мы каждое утро ходили заниматься в парк. Там было много людей: кто-то практиковал цигун, кто-то тайцзицюань, а кто-то просто сидел и слушал канареек. Мне это очень нравилось: десятки мужчин приходят рано утром с клетками, вешают их, открывают и слушают пение. Очень прикольное эстетство. Однажды мы пришли в парк в очень туманную, облачную погоду. Позанимались, и вдруг учитель говорит: «Подожди». Поворачивается в ту сторону, где должно быть солнце (самого солнца не видно), и начинает делать плавные движения в его направлении. Я начинаю понимать, что происходит: где-то через несколько минут в облаках образуется просвет, и солнце начинает светить ярко-ярко. Он говорит: «Ну все, теперь пошли». И этот просвет довольно быстро затянулся, небо снова стало сплошным серым полотном. Второй эпизод случился в пансионате под Минском в 1997 году, во время первого на территории бывшего СССР ретрита по традиции Бон. Приехал тибетский учитель Кхенпо Ньима Дакпа. Погода стояла жуткая: хотя была уже весна, шел снег, дул ветер — очень неприятные условия. Учитель начал проводить ритуал. Мы вышли на улицу, соорудили какой-то тренажник, поставили на него котел — наверное, обычный казан для плова, вряд ли он вез ритуальную чашу из Тибета. Развели огонь, начали бросать туда подношения. Постепенно от костра пошел дым. Сначала он поднимался вертикально вверх.

Мы ходили по кругу — кажется, против часовой стрелки — и начитывали мантру. Постепенно столб дыма начал вращаться вслед за нашим движением. Он образовал конус, похожий на воронку — помните, как в «Ночном дозоре» над Москвой? И там, где этот конус прочерчивал круг, небо прояснялось. Ритуал длился час или два, и к концу дым стелился практически горизонтально, а небо полностью очистилось. С того момента установилась замечательная погода. А третий случай произошел с моим учителем Чогьялом Намкаем Норбу в Северном Кунсангаре. Кажется, это был 2001 год, вы тоже там были. Помните поляну с разноцветными тентами? Тогда постоянно шли дожди. Но, что интересно, на время учения — с десяти до двенадцати — дождь почему-то всегда прекращался. Однажды Ринпоче задержался после лекции дольше обычного, отвечая на вопросы людей. Мы продолжали сидеть. Наконец он собрался уходить, и тут же начал накрапывать дождь. Люди сразу бросились к нему с зонтом: «Ринпоче, вот зонт!». Он отмахнулся: «Не надо, подождите». Я сидел практически у его ног и хорошо слышал, как он негромко, спокойно сказал, обращаясь как бы к пространству и дождю: «Now we integrate» (сейчас мы объединимся). Я понял, что сейчас что-то будет, и на всякий случай сделал кумбхаку — задержку дыхания. И тут меня словно прошибло жаром, расперло изнутри так, что я не смог удержать дыхание и с шумом выдохнул. Люди посмотрели на меня, начали смеяться. Но именно в этот момент, когда меня накрыло волной жара, дождь полностью прекратился. Как он это сделал, я не знаю, но для меня это был отчетливый пример управления погодой.

В. Л.: А было что-то, где инициатором выступали вы сами, а не восточные мастера?

И. Б.: Вспомнилась одна история. Я был у себя на даче, где проводил ретриты, со мной был друг. И вдруг меня «заклинило». Не помню уже повода — то ли с мамой поругался, то ли еще что-то, но я психанул и решил ехать домой. Состояние было очень странное. Друг сказал: «Ладно, я тоже с тобой поеду». Мы добирались на перекладных: сначала автобусом, потом поймали попутку — старый «ушастый» «Запорожец». У него почему-то было снято переднее пассажирское сиденье, поэтому мы оба сели сзади: я за водителем, друг рядом. Как оказалось позже, это спасло нам жизнь. Мы ехали по своей полосе, и я увидел встречную машину метрах в двухстах. Наш водитель пошел на обгон кого-то, кто еле тащился. Возникла иллюзия, что он не видит встречку, и, к сожалению, она подтвердилась. У меня появилось четкое ощущение неизбежности столкновения. Когда до встречной машины оставалось метров пятьдесят или сто, водитель наконец заметил ее и резко крутанул руль. Он попытался вернуться на свою полосу, вылетел на обочину, машину повело, и в итоге нас развернуло поперек дороги. В этот момент в нас врезалась новая «Нива» с транзитными номерами — прямо в переднюю дверь, где не было сиденья. Я сидел с прямой спиной, ожидая удара, а друг полулежал расслабленно. Удар, скрежет — и у меня отключилось внешнее восприятие. Я видел только серое небо, пространство, слышал какой-то звук. Сознание не отключилось, исчезло только чувственное восприятие. Казалось, прошло много времени. Когда зрение и ощущения вернулись, я обнаружил, что мы проехали по инерции всего метр-полтора и аккуратно съезжаем в кювет. Машина остановилась. По мне течет кровь, водитель — пожилой мужчина — уткнулся лицом в руль, друг без сознания. Оказалось, при ударе руку друга отбросило, и он своими швейцарскими часами разбил мне голову. Я выбрался наружу, подбежали люди, вытащили остальных. Водитель был без сознания, но жив. Друг пришел в себя с сильным сотрясением и головной болью. У меня были перебиты сосуды на голове, кровь хлестала, но сотрясения не было. Наоборот, началась эйфория от кровопотери. Я чувствовал себя пьяным, хотя был абсолютно трезв — алкоголь я употребляю крайне редко. С равновесием и осознанием все было в порядке, но меня «перло»: казалось, что происходит крутое событие на «пути воина», и я рвался ехать домой. Меня все же уговорили отправиться в районную больницу. Пока мне зашивали голову на операционном столе, я флиртовал с медсестрами. А утром просто забрал вещи, которые предусмотрительно не сдал, и сбежал оттуда. Почему я рассказываю эту историю? До этого случая у меня был

личный миф о собственной неуязвимости: я считал, что раз я практикую, со мной ничего плохого случиться не может. Этот эпизод помог мне понять, что это всего лишь миф. Хотя, надо признать, мое присутствие не прерывалось даже во время удара. К счастью, все обошлось, никто серьезно не пострадал. Удар пришелся в пустую дверь, все самортизировало. Но машину сплющило «в бутерброд». Потом этот «Запорожец» около месяца стоял на постаменте у поста ГАИ как назидание, как не надо ездить. Когда мы проезжали мимо со знакомыми, я говорил: «Я ехал в этой машине». Мне отвечали: «Ты врешь, в ней никто не мог выжить». А вот же — выжили.

В. Л.: Интересно!

И. Б.: Была еще одна история — в ней нет ничего фантастического, она просто очень красивая. Это произошло в 2001 году, на той же даче. Ко мне приехал друг с Урала, и мы проводили ретрит, готовились к визиту Чогьяла Намкая Норбу. Мы много гуляли, а места там потрясающие: меловые скалы, на которых растут сосны, эндемичная природа, заливные луга, дубовые леса, река Северский Донец. Когда мы привозили туда корейского учителя, он говорил, что пейзаж точь-в-точь как в Корее. Там рос огромный дуб в несколько обхватов. Не знаю, выжил ли он, потому что в 2022 году там шли интенсивные бои. Моя дача находилась на господствующей высоте, там стояла артиллерия, высоту штурмовали, и в итоге все разнесли. Но тогда, двадцать лет назад, там было тихо, мирно и невероятно красиво. Рядом находится старинная Лавра XVII или XVIII века, а пещерные храмы, вырубленные прямо в меловой скале, еще древнее. Уникальное место, овеянное легендами. И вот, гуляя вдоль Донца недалеко от дубовой рощи, мы стали свидетелями двух удивительных сцен. Первая — это «битва тигра с драконом». Мы увидели кошку, которая бежала и тащила что-то в зубах. Присмотревшись, поняли, что это здоровенная ящерица, размером с игуану — я таких больших в наших краях никогда не видел. Видимо, кошке стало неудобно или холодно держать добычу, и она ее выпустила. Ящерица была повреждена, но тут же начала атаковать: шипела, раздувала какой-то капюшон и пыталась прыгать на обидчицу, хотя из-за травмы позвоночника двигалась с трудом. Кошка пыталась трогать ее лапой, но с большой опаской. В конце концов, несмотря на разницу в размерах, кошка поджала хвост и ретировалась. Это было потрясающее зрелище, мы очень жалели, что нечем было это заснять. А потом мы пошли дальше по берегу — был май — и набрали на поляну, где из коконов вылуплялись стрекозы. Они находились в разных фазах: кто-то еще в закрытом коконе, кто-то вылезал наполовину, а кто-то уже лежал обессиленный после рождения. В воздухе висело ощущение страшной боли рождения, смешанной с блаженством. Эрос и Танатос. Этого, конечно, не было видно глазами, но ты входил в это пространство, как в «газированное облако», и начинал ощущать это всем телом. Я даже сейчас рассказываю, и это чувство воспроизводится во мне. Смерть старого и рождение нового, боль и блаженство в одном флаконе. Для меня это чудесная история. Вроде бы ничего сверхъестественного, но сам факт того, что ты становишься свидетелем таких таинств жизни, — это и есть чудо.

В. Л.: Вы начали, но так и не рассказали про первую поездку в Китай

И. Б.: Я ехал на перекладных. Билеты покупал с рук, потому что в кассе для иностранцев они стоили в три раза дороже, а у перекупщиков наценка была всего двадцать процентов. Первый переезд — из Синина в Пекин — занял тридцать семь часов в сидячем вагоне. Меня поразило, как китайцы ведут себя в толпе. Совершенно незнакомые люди в набитом вагоне не конфликтовали, не возмущались, как это бывает у нас в переполненном автобусе. Они научились жить в такой тесноте гармонично. Для меня, человека довольно индивидуалистичного, это был удивительный опыт. В вагоне были не полки, а лавки. На одной лавке нас сидело трое, и мы менялись местами, чтобы каждый мог по очереди прилечь и отдохнуть. Все происходило настолько естественно, без лишних обсуждений, само собой. Я даже подружился с одним парнишкой, и он помог мне купить с рук билет на следующий поезд до Цзиньчжоу, столицы про-

винции Ляонин. Этот переезд тоже был долгим, часов одиннадцать, и тоже в сидячем вагоне. Напротив меня сидел здоровый лысый мужик, который явно занимался цигун или медитировал, чтобы легче переносить жару. Я делал то же самое. Когда он открыл глаза, мы разговорились. Оказалось, он тоже практикует и едет к своему учителю. В Цзиньчжоу он помог мне купить билет на следующий поезд до Фусиня. Так я и добрался. Учитель очень обрадовался моему приезду и, как я уже говорил, начал водить меня по разным группам и мастерам — показывать своего «белого ученика». В то время высоких людей в Китае было мало, и я со своим ростом метр семьдесят восемь чувствовал себя настоящим гигантом на метр девяносто и практически «голубоглазым блондином». В этих визитах было немало хвастовства: мол, смотрите, кто у меня учится. Однажды он привел меня в группу тайцзицюань, где занимались с мечом. Мне китайский меч никогда не нравился — какая-то непонятная фигня, то ли дело японская катана. Поэтому я особо не уделял этому внимания. Учитель говорит коллеге: «Вот, ученик приехал, пусть позанимается с вами». Я вливаюсь в группу, но форма для меня совершенно незнакомая, меч непривычный, разминки не было. Естественно, я делал все отвратительно. Периферическим зрением я наблюдал за реакцией. На лице местного учителя читалось: «Ну что взять с этого иностранца? Фэн, ты его привел, но он же ничего не умеет». Мой учитель стоял мрачный и недовольный. Когда занятие закончилось, он, чувствуя неудовлетворенность, скомандовал мне: «Делай 48-ю форму». К тому времени я уже размялся, расслабился, а эту форму знал хорошо. В тайцзицюань есть интересный момент: если человек выполняет движения в состоянии присутствия, это завораживает, зрители буквально «залипают». Это признак качественной практики, а не просто физкультуры. Я начал делать форму, поймал «ветер в паруса». Она длилась минут пятнадцать, и я чувствовал, что все смотрят на меня не отрываясь. Когда я закончил, Фэн Шао И сиял от удовольствия, остальные одобрителем качали головами. Он сказал: «Ну ладно, все, пойдем отсюда», — и ушел довольный, как слон. Общаясь с мастерами в Китае, я понял важную вещь: даже великие мастера цигун и боевых искусств — всего лишь люди. Со своими слабостями и ограничениями. Они могут быть очень талантливыми, но они не сверхлюди. Идея стать сверхчеловеком, которой я, как и многие в двадцать шесть лет, был увлечен, в Китае меня сильно «попустила». Оказалось, все проще. Были интересные истории и на острове Маргарита в Венесуэле, куда я летал к своему учителю Чогьялу Намкаю Норбу начиная с 2002 года. Это очень красивый туристический остров в Карибском море: мангровые леса, горы, пустыня — и все это на небольшом клочке суши, который можно объехать за полдня. Тем более что бак бензина там стоил всего один доллар.

В. Л.: Про это тоже расскажите.

И. Б.: Я полетел туда, практически не имея денег. В те времена с финансами у меня вообще было плохо, но как-то всегда хватало. В 2004 году, чтобы оплатить жилье, я начал играть в казино. Неподалеку находился отель «Хилтон», и я периодически ездил туда при okazji. Благодаря рулетке я продержался два месяца. Это был очень интересный опыт: я наблюдал за своим состоянием, как оно меняется при выигрыше и проигрыше, как движется энергия. Я начал понимать динамику: сколько времени можно играть, когда нужно сделать перерыв. Я многое узнал о себе и о людях. Одним из главных открытий стал принцип: ни в коем случае нельзя играть *против* казино. Нужно понимать: казино не может обыгрывать всех подряд, оно должно давать кому-то выиграть. Задача в том, чтобы стать именно тем человеком, которому казино позволяет это сделать. Я пользовался этим принципом, и довольно успешно. Был еще один забавный эпизод, году в 2004-м или 2005-м. Я жил в поселении километрах в трех от нашего центра — Ташигара. Из-за жары пройти это расстояние пешком было невозможно, даже на велосипеде днем тяжело. Обычно мы ловили такси, но в тот раз было воскресенье. Такси не ходили — католики в этот день отдыхают. Чогьял Намкай Норбу любил устраивать игры — тибетские или придуманные им самим. Мне нужно было ехать: я хорошо играл, и Ринпоче нравилось, когда я составлял ему компанию. Я опаздывал, машин не было. Вдруг вижу:

на трассу выезжает парень на мопеде. Молодой латиноамериканец, мелкий, лет двадцати-двадцати пяти. Он остановился, спросил, куда мне. — В Ташигар. — Садись, подвезу. Мы помчались с приличной скоростью. Дорога там опасная: не извилистая, но очень узкая, а встречные машины проносятся быстро — венесуэльцы любят лихачить. Он подвез меня к воротам Гара. У нас там стояла вооруженная охрана, так как Венесуэла — страна с высоким уровнем преступности. Хотя лично я ни с чем таким не сталкивался и чувствовал себя комфортно, если не считать жары. С местными я всегда находил общий язык, даже испанский подучил. Парень высадил меня. Я спросил: «Заплатить?» Он отказался: «Не надо». Мы пожали руки, я поблагодарил за отличную поездку, и он уехал. Я захожу, сажусь за игровой стол к Ринпоче. Тут прибегает наш местный организатор Хильберто, на нем лица нет. — Игорь, ты знаешь, кто тебя привез? — Нет, просто парень, нормально подвез, пообщались. — Ты хоть знаешь, кто это?! Это местный наркодилер, его разыскивают за вооруженное нападение на банк! Оказывается, наша охрана, увидев его, чуть в штаны не наложила, хотя сами были с оружием. Хильберто предупредил: «Больше так не делай, а то ограбят или убьют». Вот такие веселые истории. Понятие опасности всегда относительно. Во многом все зависит от твоего собственного состояния. Даже в Израиле, в периоды обострения конфликта, когда моя мама лежала в больнице в арабском городе, я спокойно туда приезжал и ходил по улицам. Хотя выглядел я совершенно не как местный.

В. Л.: Что это вам дало?

И. Б.: Честно скажу, иногда хочется немного адреналина. Он дает хорошие ощущения и возможность понаблюдать за собой: как ты будешь реагировать на разные ситуации в разных обстоятельствах. Это тоже практика. Не обязательно сидеть на жопе, мычать что-то или визуализировать. Иногда достаточно поместить себя в необычную ситуацию. Например, операционную. Любая операция опасна, но даже там можно наблюдать за собой: как ты себя ощущаешь, как относишься к тому, что у тебя отрезают часть тела. Я считаю, что все это — практика.

В. Л.: Вы говорили, что, несмотря на почти тридцать лет практики, не постигли и малой части этого учения. Что же тогда можно сказать о таких учителях, как Намкай Норбу? Почему им удалось больше? Это удача, генетика или что-то еще?

И. Б.: И то, и другое. Чогьял Намкай Норбу начал свою практику с младенчества. Практика ведь заключается не в чтении книг, а прежде всего в том, с кем ты находишься. Когда ему было полтора года, его дядя, который впоследствии, по рассказам, реализовал радужное тело, брал его с собой в ретриты. Просто уносил полуторагодовалого ребенка и делал практику. Естественно, находясь в таком поле, ты пропитываешься им. Сын Чогьяла Намкая Норбу, Еши Намкай, буквально вчера на публичной лекции рассказывал, что тоже начал практиковать с самого детства. И сам Ринпоче вспоминал, как наблюдал за тем, как его сын понимает учение. Другой дядя Ринпоче тоже был выдающимся учителем, очень глубоким. Он провел жизнь в основном в затворничестве, а умер в китайской тюрьме. Ринпоче описывает этот эпизод в одной из книг: его дядя и еще двое учителей одновременно совершили практику переноса сознания, и китайцы обнаружили их мертвыми в разных камерах. Его бабушка, которая его растила, тоже была практикующей. Его самого в раннем детстве опознали как воплощение сразу нескольких важных учителей. И дело даже не в том, действительно ли он воплощение, а в том, что он с ранних лет получал соответствующее образование. Он знал тибетский язык, у него не было барьера, и была возможность учиться у множества мастеров — как у представителей буддийского истеблишмента, так и у кочевников или йогов. Его коренной учитель, Чангчуб Дордже, был простым деревенским врачом, даже неграмотным. А одна из его наставниц, Аю Кхадро, полжизни провела в темноте. Конечно, у него было гораздо больше возможностей впитать это знание. Но даже он рассказывал, что, читая основной текст учения дзогчен — тантру «Дра Талгюр», — понимал не все. Ему требовались комментарии, но и с ними многое оставалось неясным. Множество вещей, связанных с методами мантр, каналов,

чакр, с привязкой ко времени суток или года, до нас просто не дошло. У меня есть перевод этой тантры. Читаешь — а там фактически конспект: «есть то-то и то-то, такие-то пункты». Но чтобы это понять, нужен развернутый комментарий или живая передача, чтобы кто-то показал и объяснил. А комментарии где-то сохранились, где-то нет. Там есть, например, разделы об использовании растений в практике. Я никогда не прибегал к психоактивным веществам, хотя и не отрицаю, что это может быть полезно. Но я должен полностью доверять тому, кто это показывает. Если бы мой учитель предложил мне это, я бы согласился без колебаний. Однако традиция этих методов, возможно, утрачена или трудно осуществима, хотя в тантрах и комментариях Вималамитры об этом говорится. Для меня эта тантра — как текст-загадка, шарада. Даже мой учитель говорил, что не все из этого знает и понимает. Что-то он мог предполагать, что-то получал во сне. Но объять этот гигантский объем знаний, накопленный за тысячелетия, невозможно. Поэтому я и говорю, что знаю очень малую долю. Возможно, больше, чем другие западные люди, но далеко не лучше всех. Я встречал европейцев, которые образованнее меня в этих вопросах, которые провели много времени с учителями, совместно переводя тексты. У меня такого опыта не было. Но я хорошо представляю масштаб. Однако самое главное — это сущность учения. Можно понять и освоить одну вещь. И лучше хорошо освоить одну вещь, чем плохо — многое.

В. Л.: Спасибо большое. Материала много, и он очень интересный.

Глава 2. Дмитрий Солан

Кратко о себе:

Всё началось в раннем детстве — спонтанные осознанные сны и трансперсональные переживания, в основном на грани сна и бодрствования. Был ребёнком с богатым воображением, как говорится. А лет в 16—17 познакомился с одной маргинальной, около-эзотерической компашкой. Мы активно погружались в руны, ДЭИР, ауры, чакры..

Мы считали себя детьми Индиго, такими особенными. И довольно безбашенно экспериментировали на себе. Это было безумно интересно, но довольно опасно. Так как лезть в серьёзные практики с незрелой ещё личностью — история, мягко говоря, так себе. Несколько человек из нашей группы ушли из жизни совсем молодыми. Со мной тоже много чего случилось. Я в своё время очень хотел раскрыть «видение». А чувствительность высокая, раскрыл. И вот я студент, мне нужно в универ. И иду я туда, и вижу, как из людей во все стороны торчат разноцветные штуки. Физическими глазами вижу. Или, гуляю, а потом вдруг понимаю, что уже два квартала позади. А вот как я их прошёл — не помню. В общем стало ясно, что нужна опора в этом всём, заземление.

В Казани в том году проходил фестиваль трансперсональной психологии. И я попал на него волонтером. Встретил много прекрасных людей, мастеров. Которые тоже слышали зов неведомого, за которым мы шли. При этом они не отлетали, а твёрдо стояли на земле, были успешными в социальном плане. Организатором фестиваля был Сергей Петрушин, наверное, многим известный, ученик Игоря Калинаускаса и его Школы. Несмотря на то, что он психолог — всё было очень пропитано этой традицией. На том же фестивале я впервые познакомился с холотропным дыханием, шаманскими путешествиями, расстановками...

А затем в Казани открылось обучение практической психологии. Я и пошёл учиться. Обучался многим направлениям, от НЛП до процессуалки. Ещё через некоторое время познакомился с Дмитрием Соколовым — одним из основателей сказкотерапии. Меня очень впечатлило то количество жизни, которым от него и того, что он делает, веяло, как оно раскрывалось в сказках, мистериях.

Очень сильно на меня повлиял Сергей Куприянов. Он вообще себя долгие годы никак не рекламировал, жил в Финляндии, руководил там тренинговой компанией. Но я ни в ком не встречал столько тишины и умения передавать контакт с надвременным, без слов. Огромная благодарность Владимиру Нужному, трансперсональному психологу — создателю Пермского декадника, за то, что он собирал невероятное количество мастеров вокруг себя, создавал пространство встречи разных направлений и практик.

Ключевое для меня — это игра и свобода, и то, как можно них жить. Очень важная история произошла со мной в контексте соматических практик. Я вообще считаю, что в современном мире духовности гораздо больше в поле глубокой телески, а не в том, что традиционно считают духовным. Это контактная импровизация, биодинамика, аутентичное движение, будто... Там, где сознание не улетает от тела, где мы находим, что тело и сознание одно, что тело — сгущённая форма сознания. Учителей у меня в этой области было довольно много: Ильнур Нагуманов, Катя Басалаева, Пётр Гава и др.

Определённый слой важных для меня мастеров связан с шаманизмом. В свое время искал на севере — Алтай, Байкал, Карелия. Но традиция, которая меня позвала — это все же шаманизм Южной, Северной и Мезоамерики. Во-первых, это традиция Палерос, маэстро Хосе Гама, работа с большими деревьями сельвы. Круг Огня — работа со священными песнями, церемониями. Про традиционный шаманизм говорить сложно. Ведь вот есть традиция психологии,

ей 150 лет. А шаманским линиям по 5000. И традиция живая, развивающаяся. Объём знаний и опыта там поэтому просто не сопоставимый.

Сейчас я занимаюсь разными вещами. Обычно говорю людям, что я глубинный психолог. Так, как я работаю с внутренней глубиной, Бездной. С жизнью, как мистерией.

Основное — мой собственный подход, Интегральная Сказкотерапия. Мне важно, чтобы в современном терапевтическом поле было больше лёгкости, Игры, глубины. Не говорящих голов в кабинете, одна из которых старается понять, какая там организация у человека, шизоидная или истерическая. По форме я в основном веду онлайн-курсы. Программ и тем довольно много, всего и не перечислишь. Не проходит и месяца, чтобы у меня не было хотя бы двух запусков. При этом, я скорее занимаюсь исследованиями, чем тренингами или терапией.

И в жизни и в помогающей практике мне важны проживание, яркость, высокий градус искренности. И те процессы, когда человек эту искренность привносит затем в свою жизнь. Это, мне кажется, самое важное.

Интервью

Владислав Лебедько (В. Л.): Я предлагаю начать с мировоззренческих вопросов, а затем перейти к чудесному — к тому, что необъяснимо и, главное, не нужно объяснять, чтобы оно перестало быть чудом.

Дмитрий Солан (Д. С.): Да, наверное, начать стоит именно с мировоззренческого. Например, вот такое — Иное в Обыденном. Это и название моего блога, и книги. Всё началось с эзотерической группы в Казани, действовавшей примерно с 2005 года. Там было много экстремальных довольно практик и «отлётов». Мне эти отлёты были интересны, но в какой-то момент я понял, что упускаю обычную жизнь: социальную реализацию, качество близкого контакта и встречи, красоту простых вещей..

И начал искать способ это соединить. Тогда до меня впервые дошло: ничуть не меньше глубины и надличностного можно найти в самых обычных событиях. Если ты чувствуешь контакт с Большим — и начинаешь распознавать его в обыденной жизни — то чудесного становится больше. Парадоксально, но именно тогда, когда я перестал искать запредельное «за пределами» и начал замечать его «здесь» — в близости с другими, в красивых поступках и действиях, в воплощении проектов — его присутствие стало ощущаться сильнее. Ведь запредельное на самом деле просвечивает сквозь все формы, стоит лишь присмотреться.

В.Л.: Получилось? Можешь привести пример — как ты нашёл бездну в самом обыденном?

Д.С.: Думаю, получилось. Основной результат — это появившееся доверие к жизни. Когда чувствуешь Тайну, это меняет отношения с миром. Появляется другой смысл, другие задачи. Порой, попадаешь в потоки синхроний. Например, оказаться в другой стране без денег, без знания языка, без всего. Если выживать на чисто социальном уровне — очень сложно. Но если в этот момент, всем собой начинаешь слушать пространство — задавать вопросы: «Зачем я здесь? Какая у меня с этим местом происходит история?» — то это всегда ведёт к интересным людям, к неожиданным встречам. Деньги появляются, ситуации разрешаются. Совершенно особенное чувство — будто попадаешь в реку, текущую в океане жизни. Можно идти против течения, можно стоять на берегу, а можно войти в неё, сонастроиться и заметить, куда оно движется. Мир вдруг оказывается живым.

В.Л.: Но здесь ты, всё же, говоришь не совсем об обыденном. Обыденное — это, скорее, туризм по путёвке. Даже в наше время, когда ты уезжаешь без страховки и без чёткого маршрута — это уже выходит за рамки бытового. А можешь ли ты привести пример из действительно обыденной жизни? Из того, что другим кажется рутинной?

Д.С.: Для меня речь, здесь, скорее о фокусе взгляда. Понятно, что путешествие может быть просто туризмом — но я воспринимаю его как надличностный опыт. Точно так же и встреча с человеком: можно увидеть в ней просто столкновение двух эго в кожаных оболочках, а можно — сакральную Встречу с большой буквы. И я замечаю: как только у меня включается этот взгляд, я начинаю слушать и слышать сакральное — оно действительно начинает ведь отвечать. Для меня самые насыщенные переживания — встречи с людьми, всё, что возникает в пространстве между. Ещё — взаимодействие с природой. Моменты, когда исчезает граница. И, что в первую очередь для меня важно — уменьшать этот разрыв. Между этим и тем. Между поверхностью и Изнанкой. Когда я начинаю искать сакральное не «там», а прямо здесь — в пространстве жизни, — эти два мира — консенсусная реальность и шаманский мир, сновидение, сказка — начинают переплетаться. Мне всегда было интересно именно это. Перекрёстки миров.

В моей книге, например, аннотация такая: эта книга — попытка, невозможная попытка сказать словами о том, что находится за пределами слов. Это вообще странное искажение

— мол про запредельное не скажешь словами. Так и что, что не скажешь — поэтому и надо говорить. Создавать мосты, открывать двери.

В. Л.: Кстати, насчёт «обычной работы». Даже если обратиться к достаточно недавнему времени — скажем, к концу 80-х, началу 90-х, когда я учился и три года работал на кафедре лазерной физики, я встретился там с ещё живыми представителями старой научной школы, той школы в науке, которая, например, была описана в романах Даниила Гранина «Иду на грозу» и «Искатели». Это была очень глубокая не только внешняя, но и внутренняя работа, если, опять же, взглянуть под определённым углом. Там происходило не просто обучение, а воспитание человека: целостное, многомерное, с проработкой мышления, интуиции, сенсорики, определённым ступеням работы, которые можно соотнести с алхимическими стадиями «нигрето», «альbedo» и «рубедо», с выстраиванием взаимодействия с учителем, коллективом, рабочей командой и многому другому. Конечно, увидел я всё это уже ретроспективно, когда у меня тоже произошла настройка объёмного восприятия, мышления и интуиции.

Д. С.: Я стараюсь не называть себя «эзотериком» или «духовным практиком» — эти слова сильно дискредитированы. Но речь не о ярлыках, а о живом поиске. И вот что странно: настоящую духовность я всё чаще нахожу не в традиционных «духовных» кругах, а в современной телеске — биодинамике, аутентичном движении, соматике. Долго думал — почему? Потому, что это пространство ещё совсем юное. Там ещё нет устоявшихся догм. Люди искренне ищут, рискуют, не боятся ошибаться. Да, есть тайцзи, есть йога — но они далеко от нашей культуры, от современности. А здесь, в новом поле, возможен настоящий открытый поиск. Для меня духовность — это не готовые ответы, а признание: я не знаю, как устроен мир, но чувствую в нём присутствие тайны. Скорее всего, я никогда не пойму её до конца — но всё равно, я иду к ней. А в традиционной «духовной среде» часто слышишь: «Вот у тебя семь чакр, вот столько-то уровней сознания — это объективная реальность». Как писал Григорий Рейнин, патогенная система верований начинает управлять человеком. То же самое, кстати, с психологией. Я вот даже в последнее время не часто называю себя психологом или терапевтом — ведь вся терапевтическая парадигма построена на идее, что «один лечит другого». А мне ближе позиция исследователя: мы исследуем вместе.

В. Л.: Согласен. Я много говорил и давно уже написал несколько статей и эссе об отходе от медицинской парадигмы. Ведь консультирование можно выстраивать и в парадигме детектива, театрального режиссёра, оператора, социального критика, инженера, проводника в сложном путешествии или гида-экскурсовода по пространствам внутреннего мира, со-автора сюжетов судьбы, сценариста, барда, готового вступить иногда в дуэт, а иногда в состязание, актёра в разнообразных амплуа, партнёра по приключениям, инструктора, спарринг-партнёра, ассистента, научного руководителя исследования, следопыта, разведчика, попутчика...

В.Л.: Как ты смотришь с позиции трансперсонального взгляда на современную ситуацию в мире в целом? Особенно в социальном плане — где постепенно, но верно устанавливается система цифрового социального рейтинга, своего рода прокрустово ложе, где архетипическая фигура Прокруста всё чаще становится главным исполнителем.

Д. С.: У меня был период, когда я много занимался будущим, с точки зрения футурологии. Поэтому сейчас я смотрю на происходящее через призму идеи фазового кризиса, через который проходит цивилизация. Суть довольно простая: все цивилизации — будь то ацтеки, Рим или другие — погибали в один и тот же исторический момент: когда уровень сложности внешних и внутренних вызовов начинает превышать возможности управляющих структур, которые эта цивилизация создала. То, что происходит сейчас, мне кажется, можно описать так: цивилизационная ткань начинает трещать по швам. Неуправляемое уже развитие техносферы. Экологические и политические кризисы. Старые системы, наделённые огромной инерцией, пытаются «заштопать» разрывы тем, что у них есть: усилением контроля, слежкой, цифровым

управлением. К сожалению, это естественная реакция в такой ситуации. Прогнозировать, куда всё пойдёт, бессмысленно — слишком много акторов, слишком много неопределённости. Но здесь же возникает и другая сила. Первая — это попытка удержать старое с помощью старых рамок, надеть «намордники» и усилить давление. А вторая — пока ещё маргинальная — это рост горизонтальных комьюнити, бирюзовых организаций, криптовалютных инициатив, децентрализованных форм взаимодействия. Сюда же — метамодерн и новая искренность. Это всё пока отдельные движения, что не гарантирует прорыва, но именно здесь, по ощущению, могут прорасти ростки нового.

В. Л.: Ты считаешь, эти ростки могут выжить? Ведь как только какое-то сообщество набирает определённый размер — скажем, тысячу подписчиков — оно уже так или иначе начинает контролироваться. Либо явно: «Вот что надо говорить», либо неявно — через алгоритмы, экономическое давление, социальное ожидание. Как говорится: «Больше ста не собирайтесь — всегда найдётся провокатор или вас поведут по заранее проложенному маршруту».

Д. С.: У меня нет особой паранойи на этот счёт. Скорее, я смотрю на это как на проявление архетипического поля. Я не думаю, что кто-то конкретно за этим стоит, конечно. Это не «они» управляют — это система, через людей, начинает действовать автоматически, как кукловод: «Одевай ботинки, иди работать». Человек может и не осознавать, что стал проводником системной логики.

В. Л.: Я тоже склоняюсь к этому. Когда люди говорят: «Вот эти конкретные лица принимают решения», — они упускают главное: эти люди тоже являются субъектами бессознательного. Они связаны с коллективным бессознательным и выполняют не свои личные желания, а некий общий — «заказ Великого Среднего». Через них реализуется то, чего и желает подсудно большинство на уровне глубинных своих установок, часто даже не осознавая этого.

Д. С.: Мне все эти вещи очень нравится рассматривать через шаманскую парадигму. Есть Круг Жизни. А жизнь хочет продолжаться — это, по большому счёту, единственное, чего она хочет. И когда что-то происходит — в моей личной жизни или на глобальном уровне — я задаю себе вопрос: это происходит на стороне жизни или на стороне смерти, разрушения? И стараюсь действовать на стороне жизни.

Для меня это, например, проявляется так: последние несколько лет я практически физически не могу долго находиться в большом городе. Приезжаю, делаю дела — и как можно быстрее стараюсь уехать. Для меня город — это место, где есть аэропорт. Давление, которое оказывает городская среда очень велико. Оно неизбежно меняет человека. И на телесном уровне, кстати, в первую очередь. Мы должны бегать и лазить, видеть горизонт. А не ходить среди прямых углов по асфальту, не сидеть на стульях пол дня. И тогда возникает вопрос: стоит ли тратить столько сил на то, чтобы сопротивляться или резонировать с этим, если можно найти пространство, где твоё творчество и вообще возможность что-то делать раскрываются гораздо легче и приятнее?

В. Л.: Получается, ты — своего рода анархист и индивидуалист? «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих»?

Д. С.: Знаешь, возможно, я и анархист, но точно не индивидуалист. Мне кажется, что мир спасут не герои-одиночки, а сообщества. Хотя некоторые утверждают, что «через игольное ушко можно пройти только по одному», — мне всё больше думается, что наоборот: только вместе. Я живу одну жизнь, и стараюсь устроить её так, чтобы делать то, что приносит мне ощущение смысла, наполненности. Я создаю себе условия и выбираю среду, где всё это максимально раскрывается. Есть люди, которые активно включаются в решение глобальных проблем — от экологии до социальной справедливости. Я же больше сосредоточен на поиске способов работать с сознанием, бессознательным, телесностью — тем, что может помочь и самим этим активистам справляться со стрессом, пропускать через себя больше без выгорания. Поэтому

мой выбор — не отстраняться от мира, а наблюдать, учитывать контекст, но при этом искать те пространства и ситуации, где мне комфортно делать своё. Скажем так.

В. Л.: Хорошо. А что сейчас — «твое»? В чём твоё максимальное проявление? На чём лежит акцент?

Д. С.: Если говорить о текущей жизни и деятельности — то, наверное, это можно назвать импровизацией. Но даже не совсем. Скорее — скольжением. Последние полтора года я провожу довольно специфический эксперимент. Я много путешествую и почти полностью работаю онлайн. Каждый месяц у меня запускаются две короткие программы — уже больше года подряд. Кто хоть раз запускал онлайн-курс, понимает, сколько это требует энергии. И задача — не сгореть. Не перегрузиться. Сделать это легко, свободно, почти невесомо. И вот что оказалось ключевым: я не готовлюсь к программам заранее. Всё рождается в моменте — в импровизации с группой. Это важно: если я заранее выстрою схему, то меньше будет спонтанного. А когда я иду на живом контакте, что-то новое рождается — как в мне, так и в пространстве. В этот момент подключаются иные ресурсы. Это невозможно делать на «воле» — на принуждении по отношению к себе. Приходится ловить поток: вдохновение, импульсы от группы, сигналы из пространства. А для этого нужно определённое внутреннее состояние. Во-первых — лёгкость. Чем легче — тем проще скользить. Тяжесть, долженствования, зажимы — и ты тут же соскальзываешь. Во-вторых — прозрачность. Чем больше пропускаешь через себя — стран, людей, чувств, событий — тем выше риск, что что-то застрянет: травма, непрожитое, боль. Поэтому важно не копить, а проводить. Таким образом, я сам себе выстроил ситуацию, которая и есть практика: она развивает во мне качества, которые мне важны — лёгкость, прозрачность, безусильность. И одновременно включает меня в социальный контекст, где я живу активно, включённо. И вот это — «иное в обыденном». Именно об этом. Недавно мы с друзьями обсуждали понятие «художники вне искусства». Я точно не художник — дай мне кисть, и я нарисую не шедевр, а что-то, чем можно только подтереться. Но есть английское слово *artist* — которое не обязательно про узкое «искусство», а про целостное творчество. И, наверное, моя главная практика сейчас — это превращение собственной жизни в произведение искусства. Я часто задаю себе вопрос: откуда я совершаю то или иное действие? Из страха? Из удовольствия? Из боли? Что если — из красоты? Действовать так, чтобы, если об этом снимут фильм или напишут книгу, это было бы достойно внимания, тронуло бы кого-то. Главный вопрос: сколько в твоих действиях красоты.

В. Л.: Хорошо. Давай перейдём к каким-то живым историям — о чём-то чудесном. Я знаю, что у тебя было очень мощное приключение, о котором не стоит писать в книге. Но зато это — настоящее чудо. Наиболее интересные истории невозможно рассказать всерьёз, пока ты не встретишь старость где-нибудь на уединённой вилле в Южной Америке. Но, расскажи что-то, что можно публиковать — из тех чудес, которые ты переживал или даже, может, создавал.

Д. С.: О, такого довольно много. Мы здесь — чтобы рассказывать истории. Своими поступками и шагами, ошибками и потерями, случайными встречами и снежинками за окном. Те, где внутренний опыт вдруг становится внешним, а переживание — превращается в действие. А ещё, про чудесное... Несколько лет назад мне пришла фраза: «стать взрослым — не значит перестать верить в чудеса. Это значит научиться их воплощать в реальности, своими руками». Как-то так и живём.

Когда мне было лет восемнадцать, мы с тогдашней девушкой поехали стопом в Ижевск. До этого мы много практиковали всякие странные техники — работа с вниманием, сознанием, да ещё и с приправой из психоделиков, что сильно расшатывало восприятие. Приехали автостопом, прямо на улице поссорились — и мне стало тогда очень больно. Обычно я от таких переживаний уходил, подавлял — но тогда, впервые в жизни решил пойти сквозь него, через. До этого мы использовали внешние формы: например, имитировали поведение «весёлых безумцев» вроде Ходжи Насреддина — выходили на улицу и делали странные вещи, чтобы

через форму достичь состояния. А тут всё случилось наоборот. Я погрузился в ядро переживания — и просто был с ним. Но там, на самом пределе, открылось нечто удивительное. Я не смогу точно описать это словами, но суть такова: меня как будто выкинуло из-под власти супер-эго. Минут на сорок — пока состояние не сошло — я был полностью свободен от сомнений, страхов, стыда. Я бегал по улицам, подходил к девушкам и говорил: «Какая ты красивая»! Забежал в магазин, увидел грустную продавщицу и сказал: «Тебе не надо здесь работать. Ты несчастна». Если бы я сказал это в обычном состоянии, меня бы сочли мягко говоря странным. А в тот момент — я был настолько конгруэнтен себе и пространству, что люди тоже ловили то, что было во мне. Все улыбались, смеялись, тоже на мгновение перенимая моё состояние. Выходя из транса привычного. Это было удивительно: словно большее нашло щель в реальности — и через моё переживание начало касаться других. Вот такая история.

В.Л.: Это, скорее, даже не история, а описание нескольких ситуаций в целом. Может быть, есть что-то конкретное? Ты упоминал, например, как бандита учили энергетическим практикам. Или вот — как какому-то чудаку пришивали восьмую чакру. Что-то в этом духе.

Д.С.: Да, страннынкие были сюжеты. Давай расскажу оба — они в духе эдакого оторванного трикстерства. Начну с бандита. Была у нас студенческая тусовка в Казани. Единственная моя официальная работа кстати на кого-то в жизни — ночным охранником в школе. И я как раз тогда устроился туда... В основном чтобы по ночам играть на рояле в музыкалке и иногда устраивать рок-концерты в актовом зале. Было здорово. Однажды ко мне постучали — заходит друг с двумя незнакомцами. На вид — накачанные, бритые, в дорогой одежде. Для нашего тогдашнего андеграунда — совсем чужие. Позже выяснилось, что один из них — лидер казанской группировки, а второй — его напарник, который до этого жил в Нью-Йорке и даже оказался там в розыске за всякие «схемы». Оказалось, они жили в том же дворе, что и мой друг, и как-то начали общаться. В какой-то момент у бандита вдруг «переклинило»: он задумался — а зачем я вообще живу? Кто я? Решил искать ответы и попросился к нам в группу. Мне было удивительно — я с детства не любил гопников. Но он казался вменяемым, и очень увлечённым. Я тогда разбирался с субсенсорным восприятием — учился «видеть» или «слышать» информацию о человеке, делать своего рода диагностику. Когда я как-то «посмотрел» так его, он загорелся, многое попало — и начал приводить своих товарищей. Они, конечно, приходили не по доброй воле — отказаться то было нельзя! Я сидел, диагностировал, проводил сессии. Сначала было интересно, но потом стало тяжело — всё это давило. Постепенно наше общение сошло на нет. В какой-то момент я чётко осознал: эти практики работают только внутри нашего замкнутого круга — там, где поддерживается общий миф, наш маленький анклав внутри коллективного бессознательного. А за его пределами — они начинают разваливаться. Когда контакт прекратился, он остался один в этом поле. И начало происходить странное. Один раз я был у него дома, он бахнул коньяку, в своём стиле. А у него была кошка — лет двенадцати, очень классная. Вдруг он начинает рассказывать, что на него нападают демоны, и он «защищает мир». Я уже ничего не говорю — просто киваю: «Да-да, конечно». А потом смотрит на кошку и говорит: «Вот в ней — портал. Через неё демоны лезут». Берёт её и швыряет об стену. После этого видеться с ним я как-то этически уже не мог. С одной стороны, я чувствую лёгкую вину — ведь я ввёл его в этот мир. С другой — это было хорошим уроком: нельзя лезть в глубокие практики с незрелым эго и личностной травматикой. Это почти всегда кончается плохо.

В.Л.: А про восьмую чакру?

Д.С.: Это смешная история — того же периода, примерно. В Казани у нас был клуб «детей индиго / нелюдей и т.д.» — с названием «Чеширские хомячки». Почему — долго рассказывать, но название и символика вполне отражала суть. В группе у нас был один парень, инженер на заводе, с девушкой, квартирой, совершенно социализированный, нормис. Но при этом крутился среди нас, маргинальных искателей. В какой-то момент ему стало невыносимо: мы практикуем, видим, чувствуем, а он — ничего. «Я хочу тоже!» — говорит. У нас тогда

была такая концепция: у обычных людей семь чакр, а у нас мол — есть ещё восьмая. Там, по нашей космологии, жил «даймон» в юнгианском смысле — внутренний гений, проводник. И мы решили: раз у тебя её нет, давай пришьём. Провели своего рода ритуальную «операцию». И у него действительно что-то открылось! Появились видения, ощущения, сдвиги восприятия. Это была шаманская история в чистом виде — как в Южной Америке: человек просит открыть ему доступ к потустороннему, шаман делает — а потом тот бегаёт и кричит: «Закрой! Не могу!» Но тогда мы были молоды, без страха, без понимания границ. Просто играли с огнём — искренне, радостно, без злого умысла. Как могли. Просто искали...

В.Л.: То есть он поверил? Всё это сработало?

Д.С.: Да, мы все тогда верили. У нас была сильная групповая убеждённость — мы провели некий энергетический процесс, такую «тонкую хирургию», и все, кто участвовал, подтверждали: «Да, у него появился дополнительный центр!» Что на самом деле произошло — бог его знает. Но на следующий день человек говорит: «Слушай, что-то действительно поменялось. Я стал острее чувствовать, больше воспринимать». А на третий день он начал паниковать. Стал тревожным. К концу недели практически не выходил из комнаты, сидел, держась за голову: «Ребят, плохо... Не могу. Слишком много информации. Слишком много объёма. Я не справляюсь». Это продолжалось, пока мы всей группой не собрались и не провели обратный ритуал — «отшили» ему эту восьмую чакру. После этого его привычное восприятие вернулось.

В.Л.: По сути, вы создали дополненную реальность — коллективную иллюзию, поддерживаемую референтной группой. Ведь в одиночку такая штука не работает. Но когда десять—пятнадцать человек разделяют один миф — он становится реальным для них. Как говорится: в бане все равны, а надел погоны — уже другое дело.

Д.С.: Да, здесь важна именно референтная группа. Если тебе это подтверждают «свои» — те, кого ты считаешь своей стаей, кому доверяешь и кого уважаешь, — тогда миф воплощается. И начинаются чудеса.

В.Л.: А можешь рассказать что-нибудь совсем свежее? Может, из Латинской Америки — что-то, на твой взгляд, достойное внимания. Проявление чуда, волшебства — в последнее время.

Д.С.: Есть одна свеженькая. Я тогда жил в Гватемале, с индейцами майя. Проходил обучение в центре, где занимались выращиванием грибов: и пищевых, и медицинских, вроде кордицепса, и священных — тех, что используют в церемониях. Даже получил официальный сертификат: теперь могу работать микологом, например, в Калифорнии. Из Гватемалы мне надо было лететь в Таиланд — проводить шаманский ретрит. А параллельно я тогда вёл онлайн-курс, посвящённый раскрытию архетипа Мага. Не мага как волшебника, а как фигуры внутреннего мира, которая даёт харизму, лёгкость, силу и кучу других классных качеств. Мы полтора месяца в группе работали с этим архетипом через телесные, символические, прочие практики — искали контакт с этим потоком. И мне захотелось проверить: а как это работает в реальной жизни — не просто внутреннее переживание, а действие? И я заключил с этим архетипом «договор». Моя его часть заключалась в том, чтобы привезти медицину в Таиланд, через полмира. В общем, такой вызов силы Я долго готовился: поехал на какао-ферму, договорился (не зная языка!) с женщиной, чтобы она запаковала всё в их фабричную упаковку. А потом, уже на въезде в Тай, вошёл в довольно глубокий контакт с архетипом Мага. Прошёл регистрацию в состоянии такой странной пустоты, чистого зеркала, пустой формы: внутри — глубокое тихое озеро. Снаружи — турист, улыбается, оглядывается, веселый. Подхожу к досмотру. Женщина-таможенник смотрит на меня — и говорит: «Ты можешь идти. Сумку не клади». Я прошёл. Без досмотра. Вот такая история. Это было сильно: что-то большее реально пришло сквозь меня, и класть оно хотело на социальные правила и то, как должно быть. Его чувствовали люди — и не могли в его присутствии действовать так, как им было предписано.

В.Л.: А как ты думаешь — часто ли таможенники так пропускают людей? Или это был уникальный случай?

Д.С.: Не знаю, часто ли такое происходит, но для меня это было удивительно. Людей передо мной досматривали — ставили сумки, проходили через сканер. А мне сказали: «Ты можешь идти. Я не стал даже оборачиваться».

В.Л.: Интересная история. Взгляд получился интересный, самобытный. Спасибо!

Глава 3. Дмитрий Кошелев

Кратко о себе:

Началось все в 2007 году, когда мне исполнилось тридцать лет, с экспериментов на тему общения с подсознанием по методу В. Синельникова. Были успехи; в 2008 году, как раз перед началом кризиса, это помогло мне выбраться из больших долгов. В 2014 году познакомился с представителями казахского неорелигиозного движения «Ата жолы» и до 2019 года довольно тесно с ними общался. Даже прошёл там в 2018 году шаманскую инициацию. Переломными для моего материалистического мировоззрения стали два события. Во-первых, это знакомство в 2015 году с ДЭИР. Я учился ему исключительно по книжкам, и мне особенно зашла техника «внутреннего экрана». Во-вторых, обучение в 2017 году у женщины по имени Виктория. Она была поклонницей Блаватской, научила технике работы с фантомами, а главное — у нее я познакомился с Русланом. Он тоже шаман, инициированный в «Ата жолы», только гораздо раньше. Тоже, как и я, со временем отошел от этой темы. С периода учебы у Виктории мы с Русланом очень тесно общаемся и магические практики проводим обычно вместе. Наконец, в 2017 году произошло еще одно знаковое для меня событие: я познакомился с системой 12 архетипов американки Кэрол Пирсон. И до 2023 года прямо очень активно находился в этой теме; именно благодаря ей я наиболее известен. Сначала я просто проводил людям диагностику архетипов. Потом кто-то сказал, что диагностики ему мало: что дальше-то делать? Я подумал-подумал и начал движение в сторону психотерапии. Сперва я познакомился с эмоционально-образной терапией Н. Д. Линде (ЭОТ). Первоначально изучал ее по книжкам, а в 2020 году прошел первую ступень обучения у Ольги Александровны Берг. Темы архетипов и ЭОТ заставили серьезно смотреть в сторону психологии. К тому же, опыт с ДЭИР'ом и особенно с «Ата жолы» мне не понравился. В 2020 году я прошел переподготовку на психолога, в 2020—2021 году был несколько месяцев в личной терапии у Андрея Федоровича Ермошина, создателя метода психокатализа. И так бы и дальше развивался в сторону психологии, если бы не самый первый локдаун в 2020 году. Из-за локдауна выдачу диплома психолога мне задержали на полгода, перенесли на ноябрь. В учебе возник перерыв. А прямо перед локдауном я попал к вам на тренинг «Хозяин положения». И вот, я понял, что никакой я не психолог, а на самом деле маг. Сейчас делаю отдельные практики из арсеналов Сергея Закоцолы и Романа Карловского, но это не совсем магические практики. Однако самый главный учитель — это жизнь. И как раз далее, в силу известных событий, пришла практическая тема, которая с тех пор является для меня главной: коллективное психическое поле. Все началось с того, что в октябре-декабре мы с Русланом исследовали пространство на тему мирового конфликта. Наш метод — это своего рода символдрама. То есть мы подбираем физические объекты, наводим на них фантомы, после чего взаимодействуем с последними. Получается своего рода системная расстановка. Как уже говорил, работе с фантомами нас научила Виктория. Но раньше я не думал о том, что можно работать с фантомами крупных систем — таких как город, страна, народ, планета. Но позже мы научились это делать. Любой локальный конфликт нашего времени это вежа события мирового масштаба — Рагнарек, перезагрузка мира. До сих пор очень актуальна тема Рагнарека, она не снята с повестки дня. Это буквально самые ближайшие годы, не позднее 2030-го. Она очень тесно связана с темой сна, в который погружено человечество (морок). Об этом как-то писал лингвист Н. Н. Вашкевич. Собственно, идея Рагнарека в том и состоит, чтобы в результате пробудить человечество. Но есть ощущение, что эта идея крайне неудачная, типа гильотины против перхоти. И надо найти менее радикальное средство. Как найти: вопрос.

Интервью

Владислав Лебедько (В. Л.): Из того, что я почитал, довольно много всего — и выглядит всё это внушительно. Поэтому давайте начнём с такого вопроса, который я редко задаю, но сейчас задам: как бы вы сами себя определили в этом русле?

Д. К.: Стеснительный маг.

В. Л.: А почему стеснительный?

Д. К.: Обычно в эту тему заходят, имея за плечами какого-то мощного учителя. У меня такого не было. Не было и десятилетнего ученичества в монастыре. Я тут немного почерпнул, там немного — но не могу сказать, что наследую какой-то великой традиции. Во-вторых, у меня возникает чувство стыда, когда я занимаюсь такими практиками. Ты — современный человек, должен быть логичным, прагматичным. Вот это — нормально. А вот это — уже шизофрения. Это современному человеку не положено. Поэтому я пока о себе почти нигде не рассказываю. Хотя завёл отдельный канал — там сто человек, — и потихоньку начал делиться некоторыми вещами. Но далеко не всеми.

В. Л.: Для «великого среднего», как это называют в традиции, любой человек, выходящий за рамки общепринятых описаний, так или иначе неприемлем и непонятен. Так что здесь нечего стесняться. Но это — отдельная тема. Прочитав то, что вы написали о себе, я бы сказал: вы не просто маг — вы социальный маг.

Д. К.: «Социальный маг» — новое слово, новая теория. Когда появились разные шаманы: «Мы соберёмся в круг, помолимся за мир», то всё это было смешно, настоящая клоунада. Честно говоря, я никогда не думал, что сам даже посмотрю в эту сторону, не то, что начну заниматься этим. Но по факту — последние три года я в основном работаю именно с этой темой. И честно, не ожидал этого совсем. Были подсказки. В 2017 году у меня несколько раз были видения: я хожу среди людей после эпидемии средневекового масштаба — холера или что-то вроде того, много погибших, выжившие пребывают в печали, а я их утешаю и возвращаю желание жить. Такое видение повторялось два или три раза. Но в 2017 году ничто не предвещало того, что произойдёт потом — ни ковид, ни тем более другие аббревиатуры. Меня ещё удивляет: талантливых людей много, и немало среди них тех, кто обладает сильными магическими способностями. Но эти способности зачастую направлены на эгоистические цели — продвинуться, заработать денег. Хотя человек может видеть общемировую ситуацию. Но что он с этим делает?

В. Л.: Чтобы вмешиваться в такие масштабные процессы, наверное, нужно объёмное восприятие и понимание множества системных связей, да?

Д. К.: Многие это видят. Не знаю, чего именно не хватает. Может, дерзости? Хотя дерзости у многих, наоборот, с избытком. Просто люди смотрят в землю. Была такая повесть у Василия Яна — «Огни на курганах», про Александра Македонского. Там философ Каллисфен, ученик Аристотеля, писал биографию полководца и говорил, что человек отличается от животного тем, что смотрит не себе под ноги, а в небо. Почему-то у многих серьёзно одарённых людей нет желания смотреть в небо. Может, есть какая-то причина. Когда я три года назад вошёл в эту тему, мне не хватало знаний и поддержки. С большим трудом находил людей, готовых помочь. Часто слышал решительный отказ: «Нет. Категорически не хочу этим заниматься». Мне кажется, им просто что-то закрывало.

В. Л.: Здесь есть много таких подводных камней, которые могут открыться с неожиданной стороны. Например, если бороться за мир во всём мире — куда деть Ареса с Олимпа? Он всё равно будет свою жатву собирать каким-то другим путём?

Д. К.: Я не боролся за мир во всём мире. На каком-то этапе очень много стало символики, связанной именно с Рагнарёком. Например, композитор Вагнер. Он знаменит чем?

Своей оперой «Гибель богов». И много стало проходить через его имя. И я тогда подумал про такой мировой пожар: «это Рагнарёк». Задача была — как-то проскочить сложные моменты. С самого начала поступала информация, что всё это продлится три с лишним года, и, собственно, всё к этому и ведёт. Главное было — не допустить ядерной войны. Единственное, что можно зафиксировать — мы перевели тупую бойню в соревнование технологий. В своё время гонка вооружений привела к технологическому скачку, благодаря которому человечество вышло в космос. Сейчас началась аналогичная гонка. Могла быть просто бессмысленная резня в духе ирано-иракской войны 1980-х — когда люди тупо убивают друг друга без всякого технологического развития.

В. Л.: Но тупо тоже продолжают убивать.

Д. К.: Да, с этим я согласен. Арес свою жатву собирает. Но, по крайней мере эти жертвы — не напрасны. Да, это кровавый вклад, но всё же вклад в развитие.

В. Л.: Если происходит Рагнарёк — стоит ли ему мешать? Позвольте немного развить тему. В 2011 году я написал статью «Смена Логоса». Долгое время участники семинаров — сначала К. Г. Юнга, потом Дж. Хиллмана «Эранос», ведущие учёные и деятели культуры, включая мистиков со всего мира — пришли к версии, что мир является сновидением коллективного бессознательного. Это непопулярная гипотеза: она не получила финансирования и могла бы поставить под угрозу другие проекты, поэтому её замяли. «Смена Логоса» — это, по сути, смена одного сновидения другим. Та абсурдность, которую мы сейчас наблюдаем, напоминает абсурдность завершающегося сна. Вопрос в том: как сохранить сознание — или хотя бы нечто, способное перейти в следующее сновидение? Есть ли у вас на этот счёт какое-то предвидение?

Д. К.: Была лишь очень сильная эмоциональная реакция окружающих, которая заставляла что-то делать. А вот этим летом я мог бы описать ситуацию таким образом: представьте многоквартирный дом. В одной из квартир происходит взрыв — жильцы решили покончить с собой, подорвав себя. Казалось бы, какое дело соседям? Но взрыв повреждает несущие конструкции всего здания. То есть соседям неудобно. Именно такой способ самоуничтожения неудобен. И вот это самоуничтожение цивилизации на Земле каким-то образом неудобно разумным «соседям». Поэтому они против. Это первое. Вторая причина связана с женским началом. Сейчас главные религии мира строятся вокруг мужских персонажей: Христос — мужчина, Аллах — мужчина, Яхве — мужчина и так далее. Женское начало не на первом месте. И оттуда — недовольство: «Вы, мужики, что-то придумали, довели всё до конца света. Нафиг это надо?» Поверхностная причина ясна: «Вы всё под себя загнали, нас не слушаете». Но есть и более глубокая. Женской части богов не нравится план, задуманный мужскими архетипами — Христом, Аллахом и прочими. Рагнарёк — это их сценарий. Таким образом, есть как минимум две силы, которым этот план — не по нраву. И есть третья: на самом деле, цивилизаций нашего типа довольно много, и проблема, с которой мы столкнулись, хоть и тяжёлая, но стандартная. Как у подростков — появляются прыщи. Для конкретного подростка это трагедия, но в целом — нормальный этап, который надо просто прожить. Не самоубиваться, а выйти на новый уровень. Особенно, если вспомнить, что сейчас идёт эпоха Шута — нулевого архетипа. Это точка перезапуска: можно либо уйти на штрафной круг и потерять ещё пару тысячелетий, либо выйти на следующий виток эволюции. Многие считают, что сейчас есть потенциал для перехода. Нужно лишь отнестись к ситуации иначе — не так, как привыкли «мужики»: убить всех, выжить 10% и продолжить по старой схеме. Надо поступить как-то по-другому. Как именно — я пока не могу сказать. Потому что сама ситуация ещё не разрешилась.

В. Л.: Как вы относитесь к такому взгляду: чрезмерная развитость рациональной функции — преобладание Прометея над Эпиметеем — и бурный научно-технический прогресс приводят к тому, что большинство людей не выдерживают и вытесняют в коллективную тень своё нежелание жить? Раньше технологический прогресс развивался плавно, и человеческая жизнь была короче, чем временные циклы перемен. Сейчас же за одну жизнь умещается несколько

технологических эпох. Выдержать это сложно не только на уровне сознания, но и на уровне бессознательного.

Д. К.: Отличный вопрос. А как вы считаете — это нежелание жить скорее мужское или женское? По логике, женская функция — это приспособление. Женская реакция — не уйти из жизни, а адаптироваться.

В. Л.: Да, мужчина теряет смысл и перестаёт видеть, где может себя применить.

Д. К.: Мне кажется, в обычной ситуации и сам прогресс НТП, и реакция на него, и желание уйти — всё это выражение мужской функции. Женскую составляющую мы почти не видим. Возможно, её не хватает в обеих частях уравнения — и в самом прогрессе, и в ответе на него. Если добавить её туда и туда, может, баланс восстановится.

В. Л.: А есть ли у вас какое-то видение возможного решения этой задачи?

Д. К.: Если бы оно у меня было, я бы уже попытался его реализовать. Это не экзамен, где тебя спрашивают: «Как решить проблему?» — и ты даёшь готовый ответ. Если бы такое решение существовало в явном виде, мы бы уже что-то делали. Пока я иду на ощупь, методом научного тыка. Но уверен: это типичная ситуация. Где-то уже должен быть накоплен опыт решения подобных кризисов — просто его нужно каким-то образом открыть. Не знаю, через холотропное дыхание, медитацию или просто щелчок в голове — вдруг откроется доступ к знаниям о других цивилизациях, к другим уровням восприятия. Я убеждён: такое знание существует. Просто я пока до него не добрался.

В. Л.: Давайте вернёмся чуть назад. Люди годами сидят в монастырях, десятилетиями практикуют самадхи, достигают глубоких состояний — и вдруг у вас проявляются способности влиять на погоду, предвидеть события, формировать социальные прецеденты. С чем это связано? Почему «невидимая рулетка» выбрала именно вас?

Д. К.: Тут очень сложно избежать параллелей со шизофренией, если пытаться объяснить это рационально. Но, с одной стороны, существует феномен, известный веками — назовём его сувайси. Человек вроде Рамакришны или пророка Мухаммеда: до определённого момента он «ничем не выделялся», не учился у гуру, не сидел по полвека в пещерах — а потом вдруг открывается доступ к чему-то гораздо большему. Такие случаи не редкость. Возможно, мой — один из них. Во-вторых, поскольку я изучал регрессологию, склоняюсь к тому, что тема перерождения имеет право на существование. Возможно, это просто опыт, накопленный в прошлых жизнях, и в нужное время, в нужном месте он активировался. Таких людей, вероятно, много. Просто мир огромен, и каждый выполняет свою задачу в своём контексте. Я — просто один из тех, кому в текущий момент выпала конкретная роль. И, судя по всему, задача эта — не уникальная. В масштабах галактики, скорее всего, это стандартная ситуация: не самая простая, но и не предельно сложная. Просто так совпало.

В. Л.: Прилагаете ли вы какие-то специальные усилия — практики или что-то ещё — чтобы найти решение таких задач? Или они приходят как внезапное озарение, к чему вы специально не готовились?

Д. К.: Не готовился — это точно. Когда эта тема впервые возникла, я даже не знал, с чего начинать и какими инструментами пользоваться. Единственное, что понимал: можно поставить фантом и попытаться с ним как-то взаимодействовать. Что делать дальше — не представлял. Например, в 2019 году мне пришла в голову идея шара, в три раза превышающего фантом, чтобы вытащить энергию и очистить её. Мы это реализовали. Более того — довольно быстро увидели вовлечённость определённых групп. Мы провели работу с их участием. Но нужно ли это было делать вообще — мы до сих пор не уверены. Затем возникла идея пирамиды власти. Это тоже пришло неожиданно — я не думал об этом заранее.

В. Л.: Кстати, давайте остановимся на пирамиде власти, которую вы не перевернули, а положили на бок. Как вы думаете — не настало ли время всё-таки перевернуть её и вернуть на свои места?

Д. К.: Я работал с этой конструкцией дважды. В первый раз — весной 2024 года. Мы находились в лесопарке на деревянной площадке и установили пирамиду так, что её вершина оказалась наклонена в сторону Мекки. И буквально через несколько минут к нам подошла какая-то старушка и села прямо между этим концом пирамиды и направлением на Мекку. Мы смотрели на неё, мягко говоря, с подозрением — даже шутили, что она с тремя парами глаз. Через десять минут она ушла, и мы снова опустили пирамиду, оставив всё как есть, чтобы понаблюдать. Мы ездили в Варваринскую астану, недалеко от родины Распутина, в место, где похоронен суфийский шейх и которое считается сакральным. Там я предложил Руслану снова поработать с пирамидой. Мы обнаружили, что она частично вернулась в прежнее положение. То есть кто-то с «той стороны» — силы, отвечающие за порядок, — тоже действует. Они противостоят хаосу. Но, похоже, там есть и защита от дураков: система отслеживает неуместные вмешательства и возвращает всё на место. К моменту нашего приезда пирамиду уже примерно на треть восстановили. Мы с Русланом снова её опустили — пусть полежит. И вот что интересно: стоя на полянке, мы вдруг обнаружили, что наши ноги запутаны в рыболовной леске. Откуда она взялась в траве, в пяти метрах от высокого берега реки? Неизвестно. Но пришлось рубить леску ножом, чтобы освободиться. Это было странно. После этого мы больше не лезли в пирамиду. К тому же, я понял: даже если у меня есть доступ к информации, без участия других людей это почти бесполезно, потому что они нужны хотя бы для перепроверки данных. А мобилизовать их непросто. У Руслана, например, был энтузиазм, но к 2024-му он уже сошёл на нет. Главный вывод: пока я не договорюсь с теми, кто обеспечивает «защиту от дураков», любые мои действия будут бессмысленны. Да, мы уроним пирамиду — они через какое-то время поднимут. И так до бесконечности. Нужно договариваться. Диалог я начал, но договора пока нет. Пока его не будет, я, скорее всего, не стану этим заниматься.

В. Л.: Есть мнение, что всё, что освещается в СМИ — даже в каналах блогеров с аудиторией свыше пяти—десяти тысяч — тщательно модулируется. Подсовывается «жвачка для ума», чтобы отвлечь от того, что реально происходит в кулуарах и что действительно влияет на будущее. Один из сценариев — новый мировой порядок в духе антиутопии: «эллизиум» для избранных и «киберпанк» с миской бобов для остальных, фактически концлагерь, с которого снимают жизненные ресурсы. Многие факторы здесь явно просчитаны, вероятно, работают целые институты, которые управляют информационными потоками.

Д. К.: Да, защита от дураков построена прямо на очень хорошем уровне.

В. Л.: Есть защита от дураков, а есть в социологии такое понятие — «чёрный лебедь».

Д. К.: Я и оказался этим самым чёрным лебедем. Причём не потому, что я такой умный, красивый или особенный, а потому, что женская часть богов почувствовала себя ущемлённой. Им не понравилось, как мужские архетипы распоряжаются судьбой мира. Я проследил свою историю: к моей инициации была причастна женщина — Виктория, о которой я писал в 2017 году. С ней вас можно познакомиться. С тех пор женские образы сопровождают меня постоянно. В наших работах мы привлекали, например, образ богини Кали. А когда я напрямую спрашивал, кто нам помогает, ответом была «Тёмная Мать». Не в том смысле, в каком её описывает Карина (ваша жена) — как безответственную мать, плохо заботящуюся о детях. Нет. «Тёмная Мать» — это имя целого класса архаических божеств, которые, возможно, были матерями для известных нам богинь: Венеры, Кали и других. Именно эта сила поддержала нас — и стала тем самым чёрным лебедем для тех, кто планировал полную перезагрузку мира по заранее утверждённому сценарию. Для них наше появление было полной неожиданностью. По их плану всё было чётко: Лиз Страсс становится премьер-министром Великобритании, меняет ядерную доктрину и разрешает применение ядерного оружия — даже без прямой угрозы стране. А тут появляемся мы — без десятилетий ученичества, без гуру, без монастырей, просто какие-то «чуваки из Сибири», ничем внешне не примечательные. И вдруг начинаем ломать их карты.

Для них это и был чёрный лебедь. И, судя по всему, они до сих пор эту ситуацию до конца не переварили.

В. Л.: Как вы думаете, они догадываются о вашем существовании — и лично о вас? Если да, то почему не предпринимают мер, чтобы вас изолировать или устранить? Казалось бы, можно просто прислать спецназ.

Д. К.: Спецназ почему-то не прислали. Зато были магические атаки. В феврале 2023 года мне чуть грудь не сожгли. Я буквально задыхался — так сильно было поражение. Случилось это буквально на ровном месте: мы закончили работу в конце декабря 2022-го, а уже в конце января начались проблемы. Месяц я мучился. У жены тоже началась сильная боль в груди, мучительный кашель. Потом я попал к одной бабушке — она что-то сделала, и всё прошло. Она прямо сказала: «Тебе чуть лёгкие не сожгли». А на Руслана навесили уголовку. Хотя то, что он совершил, стало считаться преступлением только через несколько лет. Полная изоляция, давление. Так что нет, мы не вышли из этого без последствий. Просто решили: зачем им посылать спецназ, если можно ударить магически — тихо, надёжно и без скандала?

В. Л.: Но ведь можно устроить и автокатастрофу, просто нанять киллера. Это же не так дорого — особенно для тех, кто контролирует триллионы долларов.

Д. К.: Думаю, что таких, как мы, тысячи. Систему проверяют на прочность постоянно. Убивать всех физически — слишком затратно. Поэтому стандартная реакция — сначала отрезать от союзников, парализовать поддержку. Именно это с нами и попытались сделать. Частично получилось. Мы сейчас, по сути, в норе: в 2025 году — почти ничего не делали. В 2024-м опустили пирамиду власти, в 2023-м работали с фантомом России, а в нынешнем году — тишина. Наши возможности сейчас гораздо скромнее, чем в 2022-м. Любая новая инициатива — например, снова попытка повлиять на пирамиду — будет мгновенно нейтрализована. Скорее всего, они считают, что проблема закрыта. 2028—2030 годы станут точкой нового старта их глобального плана. А мы — просто временные выскочки, которым повезло чуть больше других. Нейтрализовали стандартными методами — и забыли. По крайней мере, пока.

В. Л.: То, что сейчас происходит с климатом — и не только с климатом, но и с солнечной активностью, — вызывает массовые эффекты, которые сложно проверить, ведь большинство из нас не астрофизики. Однако последствия ощущаются очень остро: люди массово умирают. На днях я проезжал мимо одного из крупных кладбищ под Петербургом. В прошлый раз, полгода назад, новые захоронения находились далеко за оградой. А теперь — буквально до самой дороги, на участке длиной метров триста. Тысячи новых могил. Это производит тяжёлое впечатление. Если добавить к этому климатические аномалии, пищевые добавки, геоинженерные распыления и постковидные синдромы — складывается ощущение целенаправленного воздействия. Как вы считаете: это планетарный процесс, выходящий из-под контроля, или всё же результат деятельности конкретных групп, обладающих властью и технологиями?

Д. К.: Есть такой астролог — Павел Свиридов. В 90-е он работал при Лужкове, сейчас не знаю, на кого. Он рассказывал, что в Пулковской обсерватории проводились эксперименты: гамма-излучение направляли в сторону Полярной звезды — и в ответ наблюдались неожиданные климатические эффекты. Якобы даже сохранилась запись. Свиридов показывал её в своём блоге и на YouTube. Там в программе «Гордон-Кихот» (там вёл Александр Гордон) в перерыве между записями один из профессоров Пулковской обсерватории, заслуженный учёный, рассказал Гордону об этом. Сам отрывок не вышел в эфир — остался «бэкстейджем», но запись существует. В июне 2023 года Свиридов прямо сказал: «На днях снова направили излучение — ждите аномалий в ближайшие дни». И буквально через несколько дней случился мятеж у так называемой «приглашённой армии». Совпадение? Возможно. Когда прошлой зимой и весной наблюдались резкие климатические скачки, я обсуждал это с Русланом. Он прямо сказал: «Это попытка управлять климатом». Думаю, целью не является уничтожение человечества. Скорее,

разработка климатического оружия. А все эти побочные эффекты — «чёрные лебеди», которых никто не планировал. Просто надёжной теории пока нет, и система выходит из-под контроля. Сам Свиридов упоминал, что после нулевых такие эксперименты засекретили: «Это военная разработка — больше не слышал». Но он уверен: подобные вещи продолжаются.

В. Л.: А вы сами, помимо локальных практик, о которых писали (например, изменение погоды), пробовали как-то влиять на климат в более широком масштабе?

Д. К.: Я не понимаю механики этого процесса. Обсуждал с Русланом: он говорит, что ты как-то взаимодействуешь с духами, управляющими погодой. Но я этих духов не вижу. Он — видит, а я — нет. Поэтому мне непонятно, что именно нужно «духам», чтобы вызвать дождь или солнце. Единственное, что я заметил: если я очень сильно этого хочу — погода действительно меняется. Но это работает скорее на уровне интенсивного намерения, без понимания механизма.

*** разрыв связи на 15 минут ***

В. Л.: Да, связь прервалась, когда вы сказали: «Когда я хочу — будет солнце, когда хочу — будет дождь». И именно в этот момент у вас дома отключился свет.

Д. К.: Совершенно верно — в тот момент у меня пропало электричество и мобильный интернет. Так вот это и работает. Духи, похоже, следят. У меня ощущение, что у них есть своя программа: если ты действуешь в рамках — погода идёт по плану. Если выходишь за рамки — что-то происходит. Вот недавно, сегодня утром, я прочитал в ЖЖ у М. Калашникова гипотезу, что скоро собираются сменить президента. Я подумал: писать об этом в соц. сетях или нет? Решил написать — и буквально в ту же секунду выглянуло солнце. Хотя по прогнозу обещали только холод и пасмурность. А тут — ясно и тепло. Как это связано? Не знаю. Но уверен: связано. Ближайшее объяснение, которое я нашёл, — это Сведенборг. В XVIII веке он писал, что погода как-то связана с поступками людей. Ещё Юнг рассказывал историю про китайского вызывателя дождя. Тот пришёл в деревню, страдавшую от засухи, ушёл в уединение, восстановил в себе состояние дао — и пошёл дождь. Это тоже резонирует. Вот мой личный пример. В июле 2018 года, возвращаясь из поездки в Семипалатинскую область, я ехал на автобусе по казахской степи — сплошное солнце, засуха, дождю взяться неоткуда. И вдруг начал размышлять о «бата» — это такая шаманская практика, связанная с посланиями от духов. Я пытался понять её суть: зачем вообще нужны эти послания? Есть ли от них побочные эффекты? Что-то подумал «неправильно» — и тут же на нас обрушился ливень. Прямо над автобусом. Сквозь люк даже начала течь вода. Я сразу сказал: «Нет-нет, всё, признаю ошибку, больше не буду думать в эту сторону!» — и дождь прекратился. Мы проехали буквально пару километров — и вокруг снова сухая, пыльная степь, ни тучи, ни намёка на осадки. Такое у меня бывало не раз. Объяснить могу только так: духи, отвечающие за погоду, замечают: «Ага, чувак вышел не в ту степь — надо ему дождиком напомнить!» Но как этим управлять сознательно — понятия не имею. Нет ни методики, ни даже идей. Наверное, нужно научиться видеть этих духов и общаться с ними напрямую. Либо найти человека, который уже умеет это делать. Кстати, где-то читал — кажется, у Р. Жуковца — что на определённом этапе практики человек обретает сверхспособности, сидхи. Но практической пользы от них нет: ни заработать, ни решить насущные проблемы. У меня та же ситуация. Годы опыта показывают: да, способность влияет на реальность. Но использовать её целенаправленно — пока не получается. По крайней мере, я не знаю как.

В. Л.: В этой области практика, возможно, и не обязана быть рациональной. Сиддхи ведь не обязательно даются для того, чтобы заработать деньги, поправить здоровье или достичь каких-то утилитарных целей. Возможно, происходят некие эффекты, которые мы не фиксируем в поле внимания, но они не менее важны.

Д. К.: Согласен. Но как только появляется понимание методики — сразу возникает возможность ею управлять. А если умеешь управлять, то можешь, например, «оцифровать» этот

процесс: превратить в алгоритм, в повторяемую процедуру. Возможно, именно это и мешает. Возможно, где-то на подсознательном уровне у меня есть желание «оцифровать, а потом монетизировать». И, может быть, из-за этого мне и не открывается путь к реальному управлению. Любой нормальный человек, обнаружив такую способность, спросит: «Как это работает? Как этим управлять?» Но, возможно, стоит отказаться от идеи превращать всё в инструмент — и тогда знание действительно откроется.

В. Л.: Похоже на то. Давайте тогда поговорим о вашей систематизации, связанной с эпохой Шута и архетипическими координатами Пирс. Многим читателям это не знакомо — расскажите, как вы к этому пришли и что вообще представляет собой эпоха Шута?

Д. К.: Архетипы Пирс начали популяризировать где-то на рубеже нулевых — вышла книга, кажется, в 2005 году, издательства «Питер». Там был так называемый «бизнес-вариант» — адаптированный для маркетинга и брендинга. Именно с ним я впервые и столкнулся. Но потом начал копать глубже и обнаружил первоисточник — не бизнес-модель, а оригинальную концепцию, где архетипы последовательно сменяют друг друга, образуя цикл развития. До этого я вообще не интересовался мифологией или художественной литературой — читал исключительно техническую литературу. Но тут вдруг наткнулся на идею «мономифа» Джозефа Кэмпбелла: будто бы во всех мифах и сказках повторяется один и тот же сюжет — «Путешествие героя». Пирсон взяла её у Кэмпбелла и разбила на 12 этапов. Меня это заинтересовало — но не как готовую схему, а как загадку: откуда именно 12? Почему не 15, не 16, не как в МВТГ? Оказалось, почти никто этим вопросом не задавался. Психологи по всему миру — в Финляндии, ЮАР, США — просто принимали эту систему как данность и использовали для опросников. Максимум креатива — придумать новый тест на архетип. Никто не пытался привязать её к реальной истории. А у меня с детства было хобби — история. С восьми лет. Юристом я стал именно потому, что там требовалось сдавать историю. Но хобби осталось. И тут мне стало ясно: если сопоставить эти 12 архетипов с историческими эпохами, можно увидеть цикл. Например, эпоха Шута — последний, двенадцатый архетип — идеально ложится на наше время. Я сразу нашёл яркий пример: персонаж Евгения Леонова из фильма «За спичками» — тот самый «дурачок», который уходит за спичками и возвращается через несколько дней. Или Зеро из «Отеля „Гранд Будапешт“» — странный, нелогичный, с дырами в брюках, но при этом несущий какую-то внутреннюю честность. Я стал замечать: таких «Шутов» вокруг всё больше. И понял — это не случайность, а знак времени. Сопоставив это с историей, я увидел: наше время удивительно похоже на первую половину I века нашей эры — эпоху упадка старых империй, культурного хаоса, поиска нового смысла. Уже на первом курсе университета я писал реферат о цикличности истории — и тогда же заметил: то, что происходило две тысячи лет назад, повторяется сейчас. Оставалось лишь распределить остальные архетипы по этому двухтысячелетнему циклу. Самой сложной оказалась десятая эпоха — Мага, идущего перед Мудрецом. Но и тут всё сложилось: спиритизм, оккультное возрождение, Таро, появление Елены Блаватской, гипноз от Месмера до Шарко и Фрейда — всё это укладывалось в один исторический срез: конец XVIII — начало XX века. Вот так и родилась моя интерпретация — не как инструмента для маркетинга, а как карты исторического цикла, где каждая эпоха — это этап развития коллективной психики, проходящего свой путь от наивности к мудрости, а затем — к обнулению и новому началу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.